

С. 3
Когда рушится дом

3 апреля, сто лет спустя после призыва Ленина к «социалистической (читай – террористической) революции» в Петербурге, пытающемся освободиться от наследия трех революций, прозвучал взрыв. И получилось, что концерт-размышление о событиях 1917 года стал данью памяти о погибших в метро петербуржцах

С. 5
Апрель 1917: поражение кадетов

Сегодня события апрельского кризиса часто описываются по стандартной «советской» схеме. Но на самом деле крах первого состава Временного правительства до сих пор остается достаточно загадочным. Ведь народ, выйдя на улицы, самоотверженно поддержал кадетов

С. 8
«Насколько мы всё-таки изменились за последние 80–90 лет»

Вышло второе издание книги Софии Георгиевны Феединой, 103-летней жительницы Москвы, дочери священномученика – «Верю, помню, люблю». Сегодня на наших страницах о книге размышляют её читатели

Приложение «Живое предание»

В приложении мы рассказываем об апологетическом труде архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) – книге, увидевшей свет лишь в 2000 году, через сорок лет после кончины святителя – и о новом исследовании, посвященном жизни и трудам священномученика Анатолия Жураковского

Тема номера **Экклезиология**

Сошествие Святого Духа на апостолов. Сестра Иоанна (Рейтлингер), 1981 г.

Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие

4 декабря 2016 года исполнилось 50 лет со дня кончины протопресвитера Николая Афанасьева (1893–1966). В память об этом выдающемся русском богослове Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит научно-богословскую конференцию, посвящённую вопросам современной православной экклезиологии

На конференции предлагается обсудить следующие вопросы: собирающее значение в церкви евхаристии и других таинств; евхаристическое собрание, его образование и состав; природа Церкви и вопрос о церковных границах; типология церковных собраний (приход, монастырь, община, братство, движение); клирики и лаики в евхаристической и других экклезиологиях; универсальное и локальное измерение церкви; вселенская, поместная и местная церкви; власть в Церкви и церквах. «Кифа» попросила членов оргкомитета конференции ответить на несколько вопросов

Много лет подряд богословская конференция Свято-Филаретовского института была посвящена вопросам катехизации, воцерковления. Почему в этом году организаторы так резко изменили тему?

Дмитрий Гасак, председатель оргкомитета конференции, проректор СФИ: С одной стороны, мы завершили цикл конференций, посвящённых проблемам катехизации. В прошлом году мы обсуждали тему керигматической проповеди о Христе, то есть главным был вопрос различения керигматической и догматической

проповеди. Это был чрезвычайно интересный и плодотворный разговор. Но следующий шаг в этом направлении предполагал разговор о мистагии, таинствоводстве. Это довольно трудная тематика, и мы решили пока остановиться. С другой стороны, тема экклезиологии давно напрашивалась, и многие участники рекомендовали посвятить одну из наших конференций вопросам современного церковного устройства, осуществления соборности в церкви, межправославным взаимоотношениям и так далее.

Окончание на с. 6-7

Жизнь подлинная и неподлинная

Беседа проходила на конференции «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности»

Как Вы думаете, почему в конце XIX века возникло так много братств?

Я изучаю не собственно братства, а историю движений коммунитарного типа. Для меня понятие «коммунитарности» – полезный инструмент изучения общественных настроений, идей и проектов нового и новейшего времени, периода модернизации, которая в России происходила непросто и воспринималась болезненно и интеллектуалами, и политической элитой, и народом.

О причинах роста коммунитарных настроений могу повторить только то, что писала в своей диссертации 17 лет назад: в периоды кризисов, модернизации или других резких исторических изменений возникает потребность в тёплых личностных отношениях. Маленькая община, «тёплое» сообщество единомышленников – это способ преодоления отчуждения. Понятие «отчуждение», введённое в научный оборот К. Марксом (которого не стоит, на мой взгляд, цели-

Интервью с Ириной Гордеевой, кандидатом исторических наук, доцентом РГГУ

ком отвергать как исследователя процесса становления капитализма) и не вполне оценённое в современных гуманитарных науках, – отсылает к ощущению того, что жизнь твоя не подлинна, что всё, что тебя окружает, направлено против тебя, поработает твою жизнь, лишает тебя подлинного бытия. Такое ощущение порождает психологическую потребность установления полноценных отношений с реальностью и обретения подлинных ценностей. Наилучшей средой для преодоления отчуждения является маленький кружок «значимых других» – единомышленников. Это – психологическая подоплёка коммунитарных движений.

Была ли эта эпоха – конец позапрошлого века – временем кризиса?

У историков есть два противоположных подхода к этому вопросу, и в связи с этим идёт довольно жёсткая полемика.

Круг петербургского социального историка Бориса Николаевича Миронова считает, что Российская империя после Великих реформ¹ избрала правильный путь и процветала. А то, что свершилась революция и Российская империя распалась, – это случайность, связанная в первую очередь с Первой мировой войной и, с другой стороны, с подрывной деятельностью русской интеллигенции.

Представители другого направления, с которыми и я солидаризируюсь, считают запуск революционных процессов в начале XX века закономерным итогом внутренней политики последних государей, и особенно Николая II, который отказывался идти на диалог с обществом.

Окончание на с. 4

Мы свои «сорок лет» ещё не отходили

О братской жизни в истории и современности размышляет священник Максим Плякин, секретарь Саратовской епархиальной комиссии по канонизации

Отец Максим, были ли среди канонизированных святых члены саратовского братства Честного Креста?

В 2016 году был прославлен член братства священномученик Владимир Пиксанов, убитый богоборцами в начале 1918 года. В Подмоскovie почитается член братства святой Константин Голубев, которого большинство знает именно по его мученичеству в Подмоскovie. Но большая часть жизни о. Константина прошла на Саратовской земле, и его творения, выпущенные недавно Свято-Тихоновским университетом, в значительной части происходят из архивов Саратовской области. И то, что именно на нашей земле сохранились его миссионерские записки, конспекты его бесед, и как раз большей частью – в архивном фонде братства Честного Животворящего Креста, для меня как саратовца огромная радость.

Пять лет назад Вы рассказывали, что попыток возродить братство пока не заметно...

Дело в том, что сегодня значительная часть задач, которые решало братство, так или иначе поделены между епархиальными отделами. До революции существовало достаточно чёткое разделение труда. Епархиальное управление – консистория – занималось именно бюрократией: ведением учётных дел клириков, учётом имущества и состояния храмов. Скажем, клировая ведомость –

На Рождественских чтениях

по сути, паспорт храма – по дореволюционному порядку должна была раз в несколько лет обязательно обновляться; и если в архиве клировые ведомости уцелели, это позволяет очень чётко проследить историю не только храма, но и людей, которые там служили. Дела же, связанные с внехрамовой деятельностью, – благотворительность, миссионерская и просветительская деятельность, книгопечатание – обычно отдавались на откуп епархиальным братствам. В архиве нашей комиссии лежит чрезвычайно интересное издание. Это сборник молитвословий для общенародного пения в храме. Он выпущен братством Честного Креста, и вложена в эту книжку как раз фотография того самого чудотворного Креста, в честь которого названо братство.

Окончание на с. 4

В Санкт-Петербургской духовной академии прошёл вечер памяти выпускников-новомучеников

Вечером 26 марта в полумраке Актового зала гости услышали о трёх святых выпускниках-новомучениках: митрополите Казанском Кирилле (Смирнове), епископе Рыльском Иоанне (Пашине) и протопресвитере Московском Александре Хотовицком.

Священномученик митр. Кирилл (Смирнов)

В рассказе студента аспирантуры чтеца Сергея Забавнова о митрополите Кирилле (Смирнове) были такие воспоминания о времени, проведённом им в «образцовой» Таганской тюрьме, где разрешали совершать богослужения: «...это был небольшой светлый зал, со школьными скамьями. На боковых выступах стен портреты: слева Карла Маркса, справа – Троцкого. Вот стол, покрытый белой скатертью, и на нём Чаша для совершения Тайной вечери, крест и Евангелие. Всё просто, как, может быть, было в первохристианских катакомбах. Служит обычно митрополит Кирилл, обладающий величественной фигурой, высокий, с правильным лицом и широкой седой бородой. Сослужат ему епископы Феодор и Гурий. Тут же стоят игумен Иона,

с сосредоточенным, несколько суровым лицом, и отец Георгий, простой и серьёзный. Управляет хором бывший обер-прокурор Священного Синода А.Д. Самарин. А как поют! Только страдание может так одухотворить песнопение. Поют также и многие из предстоящих».

В докладе студента магистратуры чтеца Максима Тарасова о епископе Иоанне (Пашине) очень контрастно прозвучала характеристика, данная на него ОГПУ: «...черносотенец и конечно ярый тихомовец, но с головой. В отношении последнего ведётся дело для представления к административной высылке».

«Его обвиняли во многом: в преподавании Закона Божьего, а значит, подрыве авторитета советской школы, в антисоветской пропаганде, пособничал немцам и полякам, насильно заставлял крестьян строить храм», – отметил докладчик.

Череду выступающих завершил студент аспирантуры чтец Александр Андреев, который рассказал об одном из нескольких замечательных миссионеров, воспитанных Духовной академией, и одном из нескольких святых выпускников, связавших свою жизнь с Северной Америкой – священномученике Александре Хотовицком. Так он завершил свой рассказ об этом святом:

«Прихожане храма Ризоположения так вспоминают этого маститого, прошедшего тюрьмы и лагеря пастыря и исповедника: “Высокий, седой священник, тонкие черты лица, чрезвычайно интеллигентная внешность. Седые подстриженные волосы, небольшая борода, очень добрые серые глаза, высокий, громкий тембр голоса, четкие, вдохновенные возгласы... казалось, что его взгляд проникает в твое сердце и ласкает тебя. Светящийся в них свет говорит о его святости...”. Летом 1937 г. во время “Большого террора”, или “ежовщины”, протопресвитер Александр Хотовицкий был арестован и расстрелян».

Вечер стал предпоследним в ряду таких же встреч. Заведующий аспирантурой Д.А. Карпук напомнил, что за прошедшие три вечера гости познакомились лишь с двенадцатью выпускниками-новомучениками, хотя канонизированных на данный момент более сорока. Поэтому Дмитрий Андреевич призвал, по мере сил и возможностей, к самостоятельному изучению их жизненного пути.

«Что мы понимаем из докладов, которые читаются в эти воскресные вечера? Зачем всё это обилие дат: родился, крестился, женился... Всё это показывает нам, что эти новомученики были совершенно такими же людьми, как и мы с вами. Подобно любому студенту, в годы обучения они были озабочены тем, чтобы окончить семинарию или академию, а нарушив дисциплинарные предписания, не попасться дежурному помощнику. И они совершенно не думали, что через несколько лет им предстоит пролить кровь за Христа. Не думаем об этом и мы».

Священномученик Александр Хотовицкий

Пресс-служба СПбДА
Сайт Санкт-Петербургской духовной академии

Вера и наука: от конфронтации к диалогу

Студенты СФИ приняли участие в научной конференции Смоленской семинарии

Здание Смоленской православной духовной семинарии сегодня

28 марта в Смоленской православной духовной семинарии прошла X Международная студенческая научная конференция «Вера и наука: от конфронтации к диалогу. 1917–2017: уроки столетия».

Участников конференции поприветствовал ректор семинарии митрополит Смоленский и Рославльский Исидор.

На пленарном заседании выступили студент Воронежской духовной семинарии Михаил Тихонов («Монашество в Древней Руси и возрождение монастырей в XX веке (сравнительный анализ)») и аспирантка Смоленского государственного университета Ксения Снегирёва («В.М. Бехтерев: служение педагогическому делу»).

Ещё 25 докладов было прочитано на двух секциях:

«Богословско-исторические исследования» и «Религиозно-нравственные аспекты современных гуманитарных исследований».

Свято-Филаретовский институт на конференции представляли студенты Александр Корнеев с докладом «Формирование последования ко святому причащению (XII–XVII века)» и Анна Лепёхина с докладом «Актуализация опыта новомучеников и исповедников XX века в соборной Церкви в условиях гонений: на примерах опыта святителя Иннокентия (Тихонова, +1937) и архимандрита Тавриона (Батозского, +1978)».

Студенты СФИ получили дипломы лауреатов конференции I и II степени в номинации «Богословско-исторические исследования». Говоря о своих впечатлениях, они обратили внимание на большое количество докладов, посвящённых наследию новомучеников и исповедников и осмыслению последствий развернутых большевиками гонений на христианскую церковь разных конфессий. Также участники конференции отметили как всегда тёплый прием в Смоленской семинарии.

Конференция завершилась экскурсией по древним храмам Смоленска.

В конференции приняли участие студенты и аспиранты Санкт-Петербургской духовной академии, Смоленской, Белгородской, Воронежской, Калужской, Ярославской православных духовных семинарий, Католической высшей духовной семинарии «Мария – Царица апостолов», Смоленского государственного университета, Белгородского государственного университета, Белгородского национального государственного исследовательского университета, Смоленского государственного института искусств и других учебных заведений.

Софья Андросенко
Сайт Свято-Филаретовского института

«Очень порадовал искренний интерес к православной традиции»

С 22 по 24 марта декан богословского факультета СФИ Зоя Михайловна Дашевская прочитала курс лекций о православном богослужении в Теологической семинарии Евангелическо-лютеранской церкви Санкт-Петербурга в Новосаратовке. Слушателями курса стали лютеранские пасторы и миряне, проходящие повышение квалификации.

«Мы говорили не только о богослужении, но и об истории и практике катехизации, истории богослужбных переводов, богослужбном опыте новомучеников и исповедников, – рассказала Зоя Михайловна. – Очень порадовал искренний интерес к православной традиции, стремление обрести единство духа со всем подлинным в едином и Святом Предании Церкви».

В небольшом курсе удалось затронуть достаточно широкий круг тем: православное богослужение с точного круга, таинства Крещения и Евхаристии (их православное понимание и совершение), богослужение на русском языке с прослушиванием богослужбных песнопений, история и богослужбный опыт православных братств и общин в XX веке (Крестовоздвиженское братство Николая Неплюева, братские общины епископа-катехизатора Макария (Опоцкого), община святого праведного Алексия и священномученика Сергия Мечёвых, община архимандрита Сергия (Савельева), Александрово-Невское братство в Петрограде), современное состояние богослужения и проповеди Слова Божьего в Русской православной церкви.

Также на лекциях говорили о соборности народа Божьего, о наследию новомучеников и исповедников советского времени как в православии, так и в лютеранстве, о братских общинах в современном опыте обеих конфессий.

Софья Андросенко
Сайт Свято-Филаретовского института

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 20 апреля 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 25 апреля 2016 г.

gazetakifa.ru

Когда рушится дом

В Петербурге прошел концерт-размышление, посвящённый революционным событиям 1917 года

Задумывая концерт, устроители не могли предположить, насколько остро будет звучать его название «В ком сердце есть, тот должен слышать, время»: 3 апреля, сто лет спустя после призыва Ленина к «социалистической (читай – террористической) революции» в Петербурге, пытающемся освободиться от наследия трёх революций, снова прозвучал взрыв. Через сто лет после развязывания террора на 1/6 суши земли он снова заявляет о себе в разных городах мира. В начале концерта-размышления его участники почтили память погибших накануне в метро петербуржцев

«Мы собрались в непростой для нашего города день, в день траура. Задумывая сегодняшний концерт, мы хотели поразмышлять о том, что происходит с человеком в тот момент, когда земля уходит из-под ног, когда рушится дом, когда наступают силы хаоса, – сказала в начале вечера Юлия Балакшина, доктор филологических наук, председатель Свято-Петровского братства, одного из организаторов концерта-размышления. – Но что позволяет человеку оставаться человеком, сохранить самого себя? События вчерашнего дня ставят этот вопрос не только теоретически, но и практически. Наш ответ – в названии вечера, которое подарили нам стихи Осипа Мандельштама. Нам нужно слышать время, постигать его смыслы, сохранять человеческое достоинство и милосердие к каждому, кто находится рядом, как бы тяжело ни было тебе самому. Мы надеемся, что вечер станет данью памяти о тех людях, которые погибли вчера в нашем городе».

На вечере прозвучали отрывки из мемуаров и дневников Константина Паустовского, Зинаиды Гippiус, Александра Блока, митрополита Евлогия (Георгиевского), Василия Шульгина, Ивана Бунина, Елизаветы Кузьминой-Караваевой, Николая Бердяева (причём иногда с противоположными оценками революционных событий) и фрагменты из произведений Баха, Рахманинова, Гайдна. Были показаны многочисленные кадры кинохроники. Но главное – это то, что происходило внутри каждого участника, переживающего произошедшее с твоей родиной, казалось бы, так давно, при твоих прадедах и прапрадедах, но продолжающееся до сих пор.

Благодаря историку Кириллу Александрову участники вечера представили себе всю масштабность Русской Катастрофы: «Как историк я с полной ответственностью могу сказать, что на протяжении первых 37 лет советской власти до 1953 года в нашей стране погибло более 50 млн человек, ещё около 1,5 млн оказались в эмиграции. Это страшная цифра потерь, которые несла наша страна на протяжении всего полутора поколений, не включает в себя миллионы сломленных судеб тех, кто потерял своих родных, не мог заниматься своим делом, у кого не родились дети». Кирилл Александров перечислил основные потери в сухих цифрах, периодически сравнивая их с историей дореволюционной России*.

В выступлении говорилось не только о страшных цифрах, но и об ужасе

общего лицемерия. Кирилл Александров вспомнил, как однажды бывшая студентка математического факультета Ленинградского университета Вера Пирожкова спросила у философа Фёдора Степуна о том, как же удалось Сталину создать такую систему, в которой «тяжёлая липкая ложь, колдовская сила мёртвой буквы окутывала и не давала дышать»: ведь не мог же он сделать это сам, кто-то же за ним стоит? Фёдор Августович ответил очень серьёзно: «Вы правы, за Сталиным кто-то очень явно стоит, но это не какой-то другой человек или другие люди. За ним стоит дьявол».

«Сможет ли русский народ пережить эти демографические потери, учитывая, что в числе погибших во всех социальных группах оказались лучшие русские люди – самые талантливые, образованные, рефлексирющие, интеллигентные, предприимчивые, инициативные, смелые, храбрые, порядочные, тонко чувствующие?» – этим вопросом Кирилл Александров закончил своё выступление и напомнил о надежде, прозвучавшей в словах Ивана Шмелева о поражении Белой армии: «Или не знаем случаев, когда внешнее поражение обращалось в великую победу? Мы, христиане, знаем».

Концерт проходил в рамках Акции национального покаяния, проходящей под названием «Имеющие надежду», – инициативы Преображенского братства, возникшей в связи со столетием революционных событий в России. И именно о надежде больше всего хотелось говорить с его участниками.

Актер и режиссер Малого драматического театра Олег Дмитриев: «Покаяние – это способность смотреть на себя в сегодняшней ситуации, способность соотносить происходящее со своей душой, сострадать, сочувствовать. И в связи с этим отвечать на вопрос: в какой стране мы хотим жить – во вчерашней или в завтрашней, которая может измениться? Моя надежда в том, что наши слова и всё, что мы делаем, – не напрасно. Может быть, только после нашей жизни возникнет у людей желание рассмотреть историю нашей страны честно – как происходил террор, как наступило безвременье, с тем, чтобы жить с другими легкими, пусть и впитавшими в себя весь яд прошлого, но преодолевшими его. Я надеюсь, что это возможно. Пока ещё надеюсь».

Ректор Русской христианской гуманитарной академии Дмитрий Богатырев: «Пока мы не дадим оценки русской революции 1917 года как события в первую очередь духовного, в котором произошёл фундаментальный отказ значительной части народа от христианских ценностей, нам будет сложно что-то строить дальше. Если посмотреть в целом на страну, сейчас такого понимания нет. Наверное, покаяние не может быть массовым, всеобщим, но вопрос в удельном весе тех, кто осмысливает русскую революцию как духовное явление – насколько их много в нашей стране? Насколько мы как наследники советской

даваться страху нельзя никогда и никому», – сказал священник.

«С другой стороны, мы должны делать выводы из того, что нам говорит Господь. В наше время это как никогда важно, потому что мы хотим настоящего живого будущего, – подчеркнул отец Георгий. – Мы живём в опасном мире, в опасное время, и нельзя говорить “мир”, “безопасность” никому и нигде. Это касается самых разных стран, народов, религий, культур. Тут вспоминаются слова апостола Павла: “смотрите внимательно, как вы ходите, не как немудрые, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы” (Еф 5:15–16). В Писании сказано: “если дома не строит Господь – к чему строителей труды?” (Пс 126). Поэтому мы должны думать, прежде всего, о том, чтобы Господь созидал наш дом, нас самих, наш народ, нашу страну и нашу церковь и устраивал всю нашу землю, что совершенно невозможно – особенно в этот текущий год – без покаяния, без трезвого взгляда на прошлое, настоящее

системы, в которой были и свои плюсы, но была и фундаментальная ложь в самом сердце системы и которая при этом во многом маскировалась под христианство (вспомните моральный кодекс строителя коммунизма) – способны сегодня покаяться?»

Народный артист России Валерий Дьяченко: «Прошло время, и мы все сейчас переосмысливаем то, что произошло с отечеством, какая случилась катастрофа. Но у меня нет однозначного ответа: это было черное, а это белое. Наверное, для этого и нужен концерт-размышление. Покаяние – это осмысление, поклон, извинение, признание собственных ошибок. Всем надо покаяться в том, что случилось. Когда мы осуждаем Сталина, надо посмотреть и на себя: ослеплённое идеей “кто был никем – стал всем” общество меньше всего занималось человеком. В этом и надо каяться. Вот и сегодня все блага, которые сыплются на человека, минуют его душу. Если бы мы сохранили цвет нации, дворянство, интеллигенцию, культуру, то сейчас бы не провозглашали “год культуры”. Она бы просто у нас была. Моя надежда связана с молодёжью, которая, изучая историю и извлекая душу покаянием, наконец-то обратит внимание на человека. Всегда существует какой-то слой молодых людей, которые живут с особым внутренним светом».

Историк Иван Петров, кандидат исторических наук, автор монографии «Православная Балтия 1939–1953 годов»: «Сейчас в связи со столетним юбилеем принято говорить о “примирении”. Но по сути это значит примириться со злом. Как могут примириться террорист и его жертва? Нам нужно всё вспомнить, покаяться и шагнуть вперёд. То, что мы пришли на этот концерт сегодня, после событий 3 апреля, значит, что мы не хотим мириться ни с терроризмом начала XX века, ни с терроризмом XXI века. Для меня существуют два вида покаяния: глубоко личное и всенародное, к которому мы ещё не пришли. Как сохранить в себе человеческое? Надо всегда иметь своё мнение, никогда не быть конформистом и не идти ради сиюминутных выгод на альянс со злом. Существование потаённых общин, братств показывает, как сумела сохранить себя эта горстка людей, не пойдя на союз со злом».

Казалось, будто весь Петербург собрался в киностудии «Лендок», чтобы дать свой ответ на произошедшее с нашей страной сто лет назад. Завершил эти размышления не только умов, но и сердец духовный попечитель Преображенского братства, **ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков:** «Вот уже целое столетие мы живём в своей стране как под оккупацией – оккупацией бесов! У нас нет ничего и никого своего, – сказал он. – Это страшное время, страшные дни. Да, мы проиграли это столетие, но его проиграли и немцы, и отчасти евреи. XX век очень жестко расставлял свои акценты. И сейчас нам очень нужна подлинная свобода, нам нужно освобождение от этой оккупации – освобождение наших сердец, наших семей, наших друзей и всех наших ближних. Это невозможно сделать в один миг, лишь внешне. Поэтому, как это всегда было принято на нашей земле в течение столетий, мы начинаем с простого обращения к Тому, от Кого все зависит, у Кого все начала и концы». Отец Георгий завершил концерт-размышление краткой покаянной молитвой.

Анастасия Наконечная
Фотограф: Александр Волков

*** Демографические потери страны в 1917–1953 гг. по официальным данным:**
12–13 млн – жертвы гражданской войны.
4,5 млн – жертвы голода 1921–1922 гг., вызванного не столько засухой, сколько разрушением сельского хозяйства во время гражданской войны и ограблением села продотрядами. *Для сравнения: самый страшный голод в царской России был при Александре III, когда в 1891–1892 гг. умерло 375 тыс. человек.*
Около 1 млн – жертвы раскулачивания, коллективизации за предвоенное десятилетие.
6,5 млн – жертвы голода 1933 г., когда было принято решение в качестве хлебозаготовок вывезти весь хлеб в регионах, которые наиболее активно сопротивлялись коллективизации: Дон, Украина, Среднее и Нижнее Поволжье (по данным заявления Госдумы РФ от 2.04.2008 г.).
Около 1 млн – расстрелянные **по политическим статьям** с 1923 по 1953 гг. (по данным советских органов безопасности). *Для сравнения: в царской России за 37 лет с 1875 по 1912 годы по всем составам преступлений (экономические, уголовные, политические) было приговорено к смертной казни 6–8 тыс. человек, часть из которых впоследствии были помилованы.*
Около 2 млн – заключённые, погибшие в тюрьмах, колониях и лагерях СССР в 1923–1953 гг., по данным официальной и неполной статистики ГУЛАГа. *Для сравнения: в царской России в местах заключения в 1875–1915 гг. умерло 126 тыс. человек.*
26 млн 600 тыс. – граждане СССР, погибшие во время Великой Отечественной войны. Остаются неустановленными жертвы избыточной смертности в сталинских колхозах в 1930–е–1940–е годы, а также жертвы смертности среди «спецпереселенцев» и народов, депортированных в 1946–1952 годах.

Изгнание страха – это главное утешение, которое можно дать пострадавшим и близким погибших

В Санкт-Петербурге 3 апреля произошел взрыв в вагоне метро на перегоне между станциями второй линии метрополитена «Сенная площадь» и «Технологический институт». На сегодняшний день число погибших составило уже 15 человек, пострадали более 50 человек. Еще одна самодельная бомба была обнаружена и обезврежена на станции «Площадь Восстания». Следственным комитетом было возбуждено уголовное дело по статье «террористический акт»

«С одной стороны, нужно утешать скорбящих людей, утешать всерьёз, потому что люди исполнены страхом, а изгнание страха – это главное утешение, – сказал обратившимся к нему за комментариями СМИ ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков, находившийся во время теракта в Санкт-Петербурге. – Как всегда, любые невинные жертвы – это те, кого мы не только можем, но и должны принять ближе к своему сердцу, и помолиться за них нужно всякому человеку, который способен молиться Богу Живому». «Нужно изгонять из себя страх. Под-

и будущее. Нужно не витать в облаках, не мечтать о каких-то идеалах, а трудиться для того, чтобы жизнь торжествовала, чтобы её качество повышалось, чтобы требования к себе были у каждого человека на высоте, и это самое главное».

События, подобные петербургским, по словам священника, можно и нужно соотносить с Писанием: «Именно об этом нам говорит и Христос (Лк 13:4–5): если силоамская башня упала и раздавила многих людей, вы что, думаете, что они хуже всех остальных? Нисколько они не были хуже, но если вы не покаетесь, то погибнете точно так же».

«Это всё давно уже предсказано, это только нужно вспомнить и применить к самим себе, к нашему времени, к тому месту, где мы живём, трудимся, служим Богу и ближнему или хотя бы стараемся это делать по совести и по нашей вере», – сказал ректор СФИ.

Арина Филиппова
Регионы.ру

Мы свои «сорок лет» ещё не отходили

Начало на с. 1

Причисленные к лику святых члены саратовского братства Честного Животворящего Креста священномученик Владимир Пиксанов и священномученик Константин Голубев

О братской жизни в истории и современности размышляет священник Максим Плякин, секретарь Саратовской епархиальной комиссии по канонизации

Книжка вышла в братской типографии, подготовлена братством, но, как отмечено на ней, по благословию правящего архиерея (на тот момент им был священномученик владыка Гермоген (Долганёв)), и распространялась она как епархиальное издание. То есть епархия использовала дело братства и давала ему путёвку в жизнь. А сегодня получается, что и типографии, и миссионерские отделы, и отделы по социальному служению чаще всего интегрированы в епархиальную структуру, и это, конечно, немножко распыляет силы, потому что священников не так много, и им трудно нести все эти нагрузки. Но есть и обратная сторона – то, что сегодня эти проекты интегрированы в епархиальную структуру, даёт возможность избежать некоторых препонов, которые были в дореволюционной России, когда братству приходилось доказывать: то, что оно делает, имеет право на существование. Сегодня, когда социальным проектом занимается епархиальный отдел по социальному служению и благотворительности, ничего доказывать не надо, достаточно просто показать бумагу, что мы действуем от епархии.

Братства ведь существуют не только для того, чтобы что-то делать, но и чтобы были братские отношения между людьми...

С этим, к сожалению, проблема – люди сегодня в целом очень разрознены. Но мне кажется, прежде чем говорить о каких-то братских объединениях, необходимо решить гораздо более насущную проблему: объединение людей вокруг приходов. Мне в этом смысле повезло: у меня приход расположен в спальном районе, и те, кто приходит к нам молиться, – это люди, которые живут в пределах 15–20 минут ходьбы от храма. Они знают друг друга просто потому, что здесь живут. Наши дети ходят в одну школу, мы сталкиваемся на улицах, ко мне могут на улице подойти под благословение. Но, к сожалению, даже в нашем сравнительно немаленьком Саратове таких территориальных приходов очень мало.

У нас есть своё небольшое молодёжное объединение, которое раз в неделю встречается на беседы. Этим занимаются два священника: я и ещё один клирик. Мы что-то рассказываем, молодые прихожане что-то спрашивают, а потом мы обычно отводим какое-то время просто на неформальное общение. И в читальном зале приходской библиотеки время от времени возникает дискуссионная беседа. Ещё для наших прихожан очень значимо, что в сложной ситуации (например, когда по ряду причин не удаётся организовать отпевание усопшего в храме) они могут пригласить священника домой. Ведь присутствие священника в доме верующих очень значимо для людей. Я удивился, что таких вещей очень мало в Москве.

А других прихожан на отпевание ваши пасомые зовут? Для меня одним из главных переживаний было то, как братья и сёстры помогают проходить через эти ситуации вместе... Это становится очень глубоким свидетельством о Воскресении.

На отпевании совершенно прекрасное в этом смысле библейское апостольское чтение: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды»... И я говорю людям: мы здесь собрались не для того, чтобы только лишь плакать и рыдать, как того требует стихира на погребении. Однако то семейное, дружеское, братское переживание, о котором вы говорите, я наблюдаю не всегда. Но мне кажется, возникновение таких отношений – это, как говорят, дело наживное.

В любом случае, когда мы говорим о церковном возрождении, нужно понимать, что всё-таки, несмотря на сравнительно долгий срок церковной свободы, 30 лет – это очень немного.

Это целое поколение...

Но что это за поколение? Родители нынешних прихожан выросли с осознанием того, что для принятия таинства надо сначала зайти в самый глухой угол. И этот психологический барьер, оставшийся ещё с советских времён, до сих пор стоит. Евреям надо было сорок лет провести в пустыне. И мне кажется, что мы свои «сорок лет» ещё не отходили, и рано говорить о полноценном возрождении внутренней жизни церкви. Мы стараемся всеми силами возобновить хотя бы внешние формы церковной жизни, и я надеюсь, это приведёт к тому, что люди перестроятся.

Сегодня такие усилия понемногу идут и «сверху», и «снизу». Можно вспомнить, например, один из документов, подготовленных Межсоборным присутствием – «Участие верных в Евхаристии». Одновременно я вижу и среди прихожан ростки сознательного отношения к таинству. Я рад, когда мне люди на исповеди говорят: «Батюшка, я каюсь, что редко читаю Евангелие». Я исповедую этих людей и готов засвидетельствовать: люди каются, что редко берут в руки Писание, что Псалтирь, Евангелие, апостольские послания они читают редко. Да, Библия в жизни людей пока ещё не занимает значимое место, но это уже осознаётся как грех. Кто-то приходит на исповедь и говорит: «Батюшка, знаете, суэта закрутила, обычно читаю Евангелие по главе в день (многие так делают), да вот две недели пропустил».

Вы, наверное, в проповедях говорите о необходимости читать Писание?

Не только в проповедях. И ещё – мне повезло с предыдущим настоятелем. Ныне уже покойный пожилой священник, который скончался от инфаркта, когда многое ещё мог бы сделать, все годы своего служения настойчиво говорил людям: «Надо... надо... надо...». Когда приходит моя черед на первую проповедь Великого поста, я всегда говорю: «Сейчас на службе больше читается Псалтирь, со следующей недели мы начнём в храме читать Евангелие – вы знаете, почему это? Сейчас мы читаем Бытие, Исаяю – опять же, почему? Почему Церковь создала в эти дни уникальную ситуацию, когда Писание читается ежедневно? Потому что без Писания мы не пройдем пост. Этого больше нет нигде, даже в Петровом посте есть дни, когда Устав не предписывает чтение Писания на службе (фактически в нашей нынешней практике чтение есть, но Типикон не предписывает это делать), а вот Великим постом Типикон предписывает читать Писание ежедневно». И мне кажется, плоды уже есть. Да, «может быть, жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе», как сказал поэт, но то, что церковное сознание растёт, – это видно. И может быть, через чтение Евангелия, через ощущение необходимости Евхаристии дело дойдёт и до какого-то братства церковного... Я не знаю. Я не хочу сейчас изрекать некое далеко идущее пророчество. Но может быть, пройдут 10–20 лет, и мы увидим все ту же, но во внешнем своем выражении совершенно другую церковь.

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина

Жизнь подлинная и неподлинная

Интервью с Ириной Гордеевой, кандидатом исторических наук, доцентом РГГУ

Начало на с. 1

Поэтому для меня конец XIX – начало XX века – период кризисный, проблемный. И в работах Н.Н. Неплюева эти проблемы нашли своё отражение. Да и многие документы говорят о том, что люди очень тяжело привыкали к новой ситуации в конце XIX – начале XX века. Что касается мирной жизни... когда у нас это было? Не знаю. Наверное, в каком-то смысле, в брежневский период, который называют «застоем» и в котором незаметно вызревали те проблемы, которые приведут к краху СССР.

Но ведь и при Брежневе свободы слова не было, люди сидели в тюрьме за свои взгляды.

Самая популярная в настоящее время книжка о последнем советском поколении называется «Это было навсегда, пока не кончилось»². Это название точно передаёт ощущение того, что время остановилось, что даже история завершена и никакого выхода из этой ситуации просто нет. Никто не знал, что Советский Союз рухнет. Интересно, что «коммунитарное» стремление к обретению «духовной семьи» в кругу единомышленников было характерно и для того времени. Возникли неофициальные или полуофициальные религиозного и нерелигиозного характера группы. 1990-е годы – период крайнего индивидуализма, когда потребительские отношения доминируют над всеми другими ценностями, но корни потребительских настроений – прежде всего в той самой брежневской эпохе. Да, для советской идеологии было характерно

высмеивание мещанства. Но всё-таки современному потребителю вызрел именно тогда, когда был дефицит: ему не хватало материального, и он в поисках комфорта и благополучия смотрел на Запад. И родившиеся в то время тенденции (в основе своей понятные: ведь голодного человека нужно накормить) – преобладание внешнего над внутренним, потребления над каким-то ценностным производством, упор на материальное, к сожалению, обладали в 1990-е гг.

Если вернуться к истории, получается, что 1905 год, время революции, был самым благоприятным временем для того, чтобы проводить идею о Всероссийском братстве, что и делал Неплюев.

Мне сейчас очень тяжело оценивать коммунитарные движения с точки зрения перспектив. Мы всегда видим, что люди, которые считают, что изменение жизни к лучшему достигается прежде всего путём внутренней, духовной реформы, – в меньшинстве. И тем не менее они очень заметны, яркие, о них слышно. Отзывчивыми на эту идею оказались те люди, у которых вера была сознательной.

Именно поэтому Неплюев и старался воспитывать детей в своих школах в сознательной вере?

Неплюев понимал, что никто автоматически не рождается православным и был глубоко озабочен идеей практической реализации христианских идеалов. Меня удивляет, что он выступал в Рус-

ском собрании и его сообщение не вызвало вообще никакого интереса, и Русское собрание пошло по пути национализма. И в прессе деятельность Неплюева практически не освещалась, большая часть отзывов – негативные, насмешливые... И, напротив, западные христианские общественные деятели его уважали и поддерживали. Свой среди чужих и чужой среди своих. Такой вот парадокс.

Бердяев говорил, что русский народ – самый коммуитарный в мире. Как Вы можете это прокомментировать?

Я не являюсь сторонником мифа об особых общинных качествах русского народа. Когда-то мне приходилось высказываться об этом в одной из своих статей³. Миф этот разделили славянофилы, русские народники, а также, в определенный период, представители политической элиты. В этом контексте у Неплюева – самая приземлённая позиция. Он не любил противопоставлять русский народ другим народам. Неплюев хорошо знал русское крестьянство, он с ними жил, он с ними общался, не питал иллюзий насчет его «духовности». Он не считал, что стремление к общинности в готовом виде есть в русском народе. Это потенция, и предстоит огромная работа по просвещению народа, воспитанию его в сознательной вере.

Славянофилы были очень интересным явлением. Как показал А. Валицкий, это не какая-то оригинальная русская философия, она возникла в контексте

общей консервативно-романтической европейской тенденции того времени, и славянофилы строили свои теории из кирпичиков западных философских идей. Но у них была оригинальная составляющая – социальные проекты, идея того, что социальное выше политическое (об этом писал Н. Цимбаев). Это есть и у славянофилов, и у народников, и у Неплюева. И эти идеи я считаю недооценёнными. Их нужно изучать, о них нужно спорить, обсуждать в публичном пространстве, и не только академическом. Очень хорошо, что на вашей конференции все эти темы прозвучали.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ «Великие реформы» – беспрецедентные по масштабу реформы Российской империи, проведённые в царствование императора Александра II, в 1860-е и 1870-е годы: отмена крепостного права (1861), финансовая реформа (1863), реформа высшего образования (1863), земская реформа и судебная реформа (1864), реформа городского самоуправления (1870), реформа среднего образования (1871), военная реформа (1874). Эти преобразования решили ряд давно наболевших социально-экономических проблем, расширили границы гражданского общества и правового государства, однако доведены до конца не были.

² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение; пер. с англ. (автор – профессор Калифорнийского университета в Беркли. Перевод авторский. – Ред.) – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

³ См. например: Гордеева И.А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв.: [Предисловие] // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / Под ред. И. Утехина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 7–74. Режим доступа: <https://www.academia.edu/25169627>.

Апрель 1917: поражение кадетов

В этой серии кратких очерков о том, что происходило сто лет назад, мы уже не раз говорили о кадетской партии. Собственно, с рассказа о речи лидера партии П.Н. Милюкова мы и начали рассказ о двенадцати месяцах последнего года перед октябрьской катастрофой.

Кадетская партия, являвшаяся ядром Прогрессивного блока (в который входили многие фракции Думы, в том числе левые октябристы, центристы, прогрессисты) вызывала доверие и одобрение у огромной части образованного российского общества. Именно её виднейших деятелей – П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, М.М. Винавера, Ф.И. Родичева, кн. Евгения Трубецкого – прежде всего имели в виду, когда настойчиво требовали передачи власти «правительству народного доверия».

Страшные февральские дни дали возможность взять власть явочным порядком, а добровольное отречение императора и манифест вел. кн. Михаила Александровича легитимизировали создавшееся положение. То, о насущной необходимости чего вся прогрессивная печать криком кричала все последние годы (и о чём огромные массы народа, состоявшего почти на 90 % из крестьян, даже не подозревали), наконец-то, казалось бы, произошло. Март и апрель 1917 года явились временем недолговечного (и относительного) правления кадетов. Сегодня мы рассказываем именно об этом.

Формирование правительства

Начиная с 1905 года идея передачи власти правительству парламентского большинства время от времени возвращалась в поле напряжения между властью и обществом. Вот лишь один из эпизодов: в июне 1906 г. состоялась встреча П.А. Столыпина и А.П. Извольского с П.Н. Милюковым, лидером самой крупной фракции первой Думы, но переговоры зашли в тупик: Столыпин считал слишком рискованным создание кабинета из кадетов, Милюков настаивал на правительстве парламентского большинства, а не кабинете общественных деятелей под председательством Д.Н. Шипова. Компромисс так и не был достигнут, Думу распустили и долгое время к этому вопросу не возвращались. Но в августе 1915 года газета «Утро России» неожиданно опубликовала «циркулирующий в думских кулуарах» список «кабинета обороны»: премьер – М.В. Родзянко (глава «земцев-октябристов»), министр внутренних дел – А.И. Гучков (глава «левых октябристов»), министр иностранных дел – П.Н. Милюков (глава кадетов)... В списке фигурировали и другие, рядовые представители Прогрессивного блока, и кто-то из них потом вошёл во Временное правительство. Однако этот список являлся отражением скорее ожиданий общества, чем конкретных поимённых планов либеральных партий. Несмотря на настойчивое желание взять власть, Прогрессивный блок, составлявший большинство в IV Государственной думе, вплоть до самых последних дней февраля 1917 года не обсуждал конкретный состав «правительства народного доверия».

Переговоры о поимённом составе правительства начались вечером 28 февраля (даты везде в статье приводятся по старому стилю. – Ред.) и проходили частным образом¹. Лишь ночью с первого на второе марта результаты этих переговоров небольшого круга политических деятелей были объявлены тем двум центрам власти, которые существовали в Таврическом дворце с 27 февраля: временному комитету Государственной думы и исполкому Петроградского совета рабочих депутатов (и тот, и другой орган были представлены частично).

Исполком заявил, что социалисты решили не входить в правительство (единственным исключением в первом составе стал трудовик, ставший вскоре эсером – А.Ф. Керенский; он до последней минуты колебался, боясь санкций со стороны однопартийцев, но в последний момент добился одобрения своего решения напрямую советом, то есть не партийными деятелями, а толпой рабочих и солдат). Таким образом, в ход пошел список министров, составленный в ходе переговоров П.Н. Милюкова с различными заинтересованными лицами. Вот как описано формирование этого кабинета в «Красном Колесе»: «...попадал Милюков в изоляцию большую, чем даже привык и хотел бы. Шингарёв был – тень

его, работник, но не вождь. С болваном Родзянкой он еле себя сдерживал. С Маклаковым всегда была отдалённость и неприязнь. С Винавером соперничество, да он сейчас не в игре. С Некрасовым – стычки. С Гучковым – глухая давняя вражда. Из тех, кто сейчас тут вокруг вращался, Милюков едва ли даже не предпочёл бы Керенского... Но! Punctum saliens!² Давно Милюков подозревал и замечал, его предупреждали, а в эти критические часы он даже и убедился, что между этими столь разными людьми, как кадеты Некрасов и Коновалов и квази-эсер Керенский, даже немислимых, кажется, в соединении, существовала и вот явно проявлялась какая-то сокрытая связь, неожиданное согласие в самых парадоксальных вопросах. Как будто они специально по каждому вопросу успевали стовориться втайне от Милюкова.

Бессомненно, эта тайная связь не могла быть ничем иным, кроме так известного, но и так тайно и успешно скрываемого масонства³. ...Чем иным можно объяснить такое противоестественное единство их мнений: ввести в правительство – Терещенку, бездельного молодого миллионера, ничего не умеющего, ни к чему не приспособленного и никому не известного.

...Милюков изо всех сил старался их расколоть, играя именно на Керенском, но ничего не выходило. ...<Но> неизбежность принять вереницу Коновалов-Некрасов-Терещенко-Керенский оборачивалась и облегчением для умелого политика: теперь с глубоким огорчением он должен будет отказаться от своих дорогих товарищей по партии – не приглашать Маклакова, Винавера, Родичева. ...Пока кадеты боролись против прежнего правительства – каждый такой оратор, деятель, борец был на вес золота. Но сейчас как ни обдумывал Павел Николаевич этих лиц, он почти не мог увидеть их на правильных правительственных местах, а скорее видел в них помеху своей будущей деятельности... А тут – клин вышибался клином: не по капризу, а принуждённо принимая этих чужих, – приходилось потеснить своих кадетов».

И действительно: объявленный 2 марта и на следующий день легитимизированный великим князем Михаилом Александровичем состав Временного правительства заметно отличался от ожидаемого всеми «правительства народного доверия». Тем не менее среди 11 министров четверо были кадетами (правда, из них только Милюков входил в «первый ряд» партии), двое – октябристами (среди них лидер партии А.И. Гучков), двое – прогрессистами, один – центристом и лишь один – эсером и один (министр финансов Терещенко) – беспартийным. Это было несомненное торжество Прогрессивного блока: он фактически взял власть в свои руки.

Через месяц после февральских событий

25 марта, в Лазареву субботу, в Петрограде открылся съезд кадетской партии. Он собрал больше трехсот делегатов и проходил очень торжественно. Начался он с вопроса об изменении программы партии: «...выпустили с первым докладом хрупкого изящного Кокошкина – с тонкой задачей доказать, почему 12 лет в кадетской программе стояла конституционная монархия, и это было правильно, а теперь пришло время поставить республику, притом демократическую. И Кокошкин доказал: монархия прежде сохранялась кадетами только из условий политического момента, на уровне понимания масс, а ныне этот символ стал не нужен населению, во время войны монархия разоблачила себя тем, что стала против Отечества. И это самое решительное изменение в программе тут же легко приняли бурными аплодисментами, затем и поднимая делегатские карточки»⁴.

Председательствовавший на съезде М.М. Винавер объявил основной задачей партии отпор контрреволюционным силам справа. Однако когда он добавил, что Совет рабочих депутатов переступает границы критики и начинает прямо вмешиваться в функции правительства, что кадетский ЦК обращался в Совет дважды – и письменно и устно, что «приказы»

Первый состав временного правительства (март–апрель 1917 года)

На плакате в первом ряду: министр иностранных дел П.Н. Милюков, глава кадетской партии (1859, Москва – 1943, Экс-ле-Бен, Франция); министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, один из создателей и лидеров Прогрессивной партии (1875, Москва – 1949, Париж);

Во втором ряду: министр земледелия А.И. Шингарёв, кадет (1869, Воронежская губерния – убит 1918, Петроград); военный и временно морской министр А.И. Гучков, с 1906 года глава партии октябристов, после её раскола – глава «левых октябристов» (1862, Москва – 1936, Париж); председатель Совета Министров и министр внутренних дел князь Г.Е. Львов, с 1905 до 1911 года кадет, затем прогрессист (1861, Дрезден – 1925, Париж); комиссар Временного правительства по делам Финляндии (не министр) Ф.И. Родичев, «первый тенор» кадетской партии (1854, Петербург – 1933, Лозанна, Швейцария); министр просвещения профессор А.А. Мануйлов, кадет, в 1905–1911 году ректор Московского университета (1861, Одесса – 1929, Москва)

В третьем ряду: министр путей сообщения Н.В. Некрасов, кадет, товарищ председателя Государственной думы (1879, Санкт-Петербург – расстрелян 1940, Москва); государственный контролёр И.В. Годнев, октябрист (1854, Галич – 1919, Уфа); министр финансов М.И. Терещенко, до назначения не занимался публичной политической деятельностью (1886, Киев – 1956, Монако); обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов, центрист (1872 – 1930, Томск, тюремная больница); министр юстиции А.Ф. Керенский, трудовик (с марта – эсер), товарищ председателя Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк, США)

Совета сеют раздор, граничащий с безумием и преступлением и анархия уже вспыхивает в разных местах страны – началась бурная дискуссия. Многие делегаты «тут же стали Винавера уверенно поправлять», напоминая, как кадеты близки к левым партиям, «и как неисчислимы заслуги Совета рабочих депутатов».

Перетягивание каната

Нужно сказать, что главной проблемой Временного правительства стало не начинающееся разложение армии воюющей страны и массовое дезертирство, не отказ крестьян везти для городов и армии продукты, не критический недостаток финансов и огромный внешний долг, а постоянное противостояние с Советом рабочих и солдатских депутатов.

С самого первого дня исполком Совета давал понять, что только он один в состоянии держать в руках взбунтовавшиеся толпы, а представители Прогрессивного блока верили этому и все больше и больше отступали (даже там, где это не было необходимо) перед социалистами, решившими пока что не входить в правительство, а поддерживать его лишь «постольку, поскольку оно будет проводить демократическую политику».

Однако не стоит думать, что между этими двумя центрами власти шла явная война. Формально они находились во взаимодействии: с 8 марта существовала так называемая «контактная комиссия» – представители исполкома Петросовета и члены правительства постоянно встречались вместе для согласования позиций.

Согласовать позиции было очень непросто: и в исполкоме, и в правительстве не было и внутреннего единства. И хотя главным сюжетом разразившегося в апреле кризиса стал вопрос об отношении к войне, скрытых мотивов противостояния было гораздо больше.

Нужны ли нам проливы

Если мы сегодня будем читать документы, появившиеся в это время, – Манифест «К народам всего мира», принятый 14 марта на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, Декларацию Временного правительства от 27 марта и даже так называемую «ноту Милюкова» – мы вряд ли поймем накал страстей, сопровождавший эти тексты, и, возможно, без комментариев специалистов даже не разглядим, чем они так уж принципиально отличаются.

Между тем они представляют крайние точки противостояния в связи с вопросом

о войне. Такими полюсами были с одного края требовавшие немедленного мира путем братания с солдатами противника «циммервальдисты»⁵ («обезумелые крайние интернационалисты») в составе исполкома – большевики (лозунгом которых было «превращение войны империалистической в войну гражданскую») и внефракционный социалист Н.Н. Суханов (Гиммер)⁶, а с другого – министр иностранных дел П.Н. Милюков, подвергавшийся давлению представителей союзных держав: в обмен на юридическое признание Временного правительства Великобритания и Франция требовали определённости в обещаниях продолжать военные действия и даже (для верности) обязательного письменного определения территориальных претензий России в случае победы Антанты.

В результате действий этих столь разных сил 14 марта появился Манифест «К народам мира» («Мы, русские рабочие и солдаты... шлём вам наш пламенный привет и возвещаем... Нет больше главного устоя мировой реакции и “жандарма Европы”... Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире...»), 27 марта – компромиссная Декларация, несколько дней упорно обсуждавшаяся контактной комиссией, а 12 апреля Милюков передал французскому послу Морису Палеологу сопроводительный документ к этой Декларации (именно он позже стал известен как «нота Милюкова») и предупредил, что этот текст, где прямо говорится о том, что Россия заинтересована в выходе к проливам Босфор и Дарданеллы, строго конфиденциален и он просит не публиковать его в печати.

Несмотря на просьбу Милюкова, 16 апреля этот документ был опубликован газетами Великобритании, Франции и Италии (союзники спешили успокоить общественное мнение своих стран; делая это, они полагались на приватные заверения Керенского, что Временное правительство заступится за Милюкова, если тот подвергнется давлению «советских» – дальнейшие события показали, что это обещание было ложью). Через два дня, 18 апреля, документ появился и на страницах газет Петрограда. 19 апреля вся социалистическая печать выступила с резкой критикой «ноты Милюкова».

20 апреля 4 полка из 20, расквартированных в Петрограде, вышли к стенам Мариинского дворца (резиденции правительства) с лозунгами «Долой Гучкова»,

Апрель 1917: поражение кадетов

«Долой Милюкова» «Долой Временное правительство!» И сегодня в самых разных источниках можно прочитать, что это были несчастные солдаты, смертельно уставшие от войны и не желавшие воевать за непонятные и далёкие проливы или за Константинополь. Тем не менее это были всё те же столичные полки «запасных» – новобранцев, которые не успели не то что устать от войны, но даже просто повоевать.

Рабочие стреляли в солдат

Нужно сказать, что в это время большинство в исполкоме Петросовета было сторонниками «революционного оборончества». Наиболее видным его представителем, фактически возглавившим в это время исполком, был меньшевик князь Ираклий Церетели, вернувшийся из многолетней сибирской ссылки (до неё он отсидел 6 лет в каторжной тюрьме по политическому обвинению). Исполком был готов искать компромисс – и с вечера 20 апреля начались совместные совещания Временного правительства и исполкома Петросовета в поисках выхода из кризиса. Опираясь на факт этих переговоров, командующий Петроградским округом генерал Корнилов уговорил 4 полка уйти от Мариинского дворца в свои казармы.

Этим же вечером крайнее течение – большевики-ленинцы, выступавшие не только с позиций «обезумелого интернационализма», но и с требованием «вся власть советам – и немедленно» (сам совет с таким требованием не выступал) – послали своих агитаторов на заводы. Ещё с февральских дней там была создана «красная гвардия», захватившая в суматохе бунта огромное количество оружия. Большевики агитировали фабричных выйти с лозунгами «Долой временное правительство» – и с оружием. Иногда они при этом ссылались на авторитет исполнительного комитета (который добивался в это время прямо противоположного – умиротворения ситуации).

Однако ещё с вечера 20 апреля начались массовые демонстрации в поддержку правительства по всему Петрограду. А утром 21 апреля газета «Речь»⁷ вышла с воззванием кадетского ЦК: «Граждане! Россия переживает страшный час! Решается судьба страны, судьба будущих поколений! Народ проявил великую мудрость в доверии Временному правительству. Сплотимся же вокруг него, не дадим разрастаться анархии, вслед за которой придёт притаившаяся чёрная сотня... Милюков, появление которого у власти купило доверие к нам наших союзников, объявляется врагом отечества! Но они знают, что уход Милюкова означает уход всего Временного правительства, – куда ж они ведут Россию? Мы стоим на краю пропасти. Граждане, выходите на улицы! проявляйте свою волю, участвуйте в митингах, выражайте одобрение правительству! Спасайте страну от анархии!»

И огромное количество горожан вышло в поддержку кадетов. У Мариинского – тысячные толпы. Над демонстрацией – лозунги «Доверие Временному правительству!» «Ленина и компанию – обратно в Германию!» Одновременно вооруженные толпы фабричных тоже стекаются в центр. Демонстрации с противоположными лозунгами – за и против правительства – сталкиваются на улицах, иногда расходятся мирно, иногда возникает противостояние.

И вот в середине дня случается неизбежное: вооружённые рабочие стреляют в тех, кто выступает в защиту правительства – в том числе в безоружных солдат. Трое человек убито, шестеро ранено.

Чем закончился кризис

Сегодня события апрельского кризиса часто описываются по стандартной «советской» схеме: глупое правительство выступило за войну – уставшие от неё солдаты и рабочие вышли с манифестациями – первый состав правительства вынужден был уйти в отставку.

Но на самом деле крах первого состава Временного правительства до сих пор остается достаточно загадочным. Ведь народ, выйдя на улицы, самоотверженно (кто-то – ценой жизни) поддержал кадетов. Исполком согласился принять

достаточно умеренное публичное пояснение Милюкова к ноте. Большевики после неудавшегося бунта и стрельбы, воспринимавшейся всеми как позорное варварство, моментально «отыграли назад» и уже утром 22 апреля опубликовали избыточно отступную резолюцию – мол, советы не могут пока взять власть, а наша партия будет проповедовать полный отказ от насилия.

Да, буржуазная пресса струсила и никто не посмел открыто обвинить в стрельбе ленинцев, а социалистические газеты вообще полностью исказили события⁸. Но ведь по сути то, что произошло, было победой либеральных партий. Почему же уже 26 апреля было опубликовано Обращение Временного правительства, где говорилось, что оно не может работать без коалиции с социалистами? Почему 30 апреля именно тот человек, в котором и сторонники, и противники правительства видели главную его опору и крепость, – А.И. Гучков – не посоветовавшись ни с кем и без предупреждения вышел в отставку? Почему при обсуждении состава коалиционного правительства удалось «выдавить» из него Милюкова, несмотря на всё его сопротивление?

ЦК кадетской партии решил, что кадеты останутся в коалиционном правительстве. В новом составе они сохранили те же 4 места (правда, уже не из 11, а из 15 человек). Но для всех было очевидно, что власть они утратили. Жертвы 21 апреля оказались напрасны.

В течение всего недолгого времени существования Временного правительства выступления его деятелей (здесь я уже говорю не только о кадетях) часто звучали трагически.

За несколько дней до своей отставки – на юбилее четырёх дум 27 апреля – А.И. Гучков сказал: «Вся страна когда-то признала: отечество в опасности. Господа, мы сделали ещё шаг вперёд, время не ждёт: отечество – на краю гибели».

Но возможность гибели переживалась министрами и очень лично. Во время апрельского кризиса П.Н. Милюков, выступая с балкона Мариинского дворца перед собравшимся народом, сказал: «Я не уйду, пока не выполню долга. Или – погибну». Незадолго до октябрьского переворота А.Ф. Керенский, выступая перед предпарламентом, клялся «во всех случаях умереть на своем посту». Однако нельзя не вспомнить, что Милюков умер во Франции в 1943-м, а Керенский в Нью-Йорке в 1970-м, в возрасте 89 лет. К этому времени десятки миллионов погибли в государстве, которое им так и не удалось удержать на краю пропасти.

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ Конечно, эти переговоры были абсолютно неэтичными, как, собственно, и всё происходившее в Таврическом дворце.

² «Трепещущая точка» (лат.); перен. главная суть, самое главное.

³ Организация, в которую действительно входили А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов (и тот, и другой в разные годы занимали должность её генерального секретаря), А.И. Коновалов, М.И. Терещенко – «Великий восток народов России» (1912–1918) – не являлась в полном смысле слова масонской (например, в ней не были приняты хорошо знакомые всем по «Войне и миру» масонские ритуалы). Информация о ней осталась в мемуарах и архивах её членов, прежде всего в архиве Н.В. Чайковского (ГАРФ, ф. 5805). В следующих составах Временного правительства число членов этой организации с каждым кризисом возрастало.

⁴ Все цитаты, если иное не оговорено особо, – из «Красного Колеса».

⁵ Конференция в Циммервальде (1915 год) стремилась объединить то меньшинство социалистов, которое отказалось после начала войны поддерживать свои правительства. Отвергнув лозунг В.И. Ленина «превращение империалистической войны в войну гражданскую», большинство делегатов предпочло «пацифистский» проект, написанный Л.Д. Троцким. В нём война признавалась империалистической, осуждались социалисты, голосовавшие за военные бюджеты и участвовавшие в правительствах воюющих стран, и звучал призыв «начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций».

⁶ Редактор ежедневной социал-демократической газеты «Новая жизнь», издававшейся в 1917–1918 годах. В 1930 году арестован и осужден к 10 годам тюрьмы. В 1940 году расстрелян как «немецкий шпион» (возможно, потому что происходил из рода обрусевших немцев).

⁷ Орган кадетов, позиционировавший себя в качестве внепартийной независимой газеты. «Речь» выходила с 1906 года, закрыта большевиками 26 октября 1917 года.

⁸ «В воскресенье 23-го разбрасывались по улицам прокламации прямо от Совета, что всё затеяла “буржуазия” и “чёрная сотня”. Оказывается: это – мешанство желало смуты, а революционная демократия стояла на страже – и вот победила, вот в чём смысл 21 апреля», – возмущается в «Красном Колесе» Милюков.

Живем мы, без преувеличения, в страшную и духовно опасную эпоху. Страшна она не только ненавистью, разделением, кровью. Страшна она, прежде всего, всё усиливающимся восстанием против Бога и Его Царства. Снова не Бог, а человек стал мерой всех вещей, снова не вера, а идеология, утопия определяют собою духовное состояние мира.

...Многим, может быть, покажется странным, что в ответ на кризис я предлагаю обратить наше внимание не на об-

Евхаристическая э

4 декабря 2016 года исполнилось 50 лет Филаретовский православно-христианскому

Установленная Христом на Тайной вечери, Церковь актуализировалась на день Пятидесятницы, когда учениками была совершена первая Евхаристия. Первому творению Богом в Сыне и через Сына соответствует новое творение «во Христе» в Духе и через Духа. Ветхозаветному ожиданию учеников мессианского царства Христос противопоставил ожидание «обетования Духа» (Деян. 1:4). Со дня Пятидесятницы началось творческое действие Духа. Дух уже в действии, а поэтому царство не только наступит, но уже наступило, т. к. Дух есть залог этого царства. В Духе и через Духа начала существовать Церковь. В день Пятиде-

суждение составляющих его элементов, а на Таинство Евхаристии, на Церковь, этим таинством живущую. Да, я верю, что именно тут, в этом святая святых Церкви – источник чаемого возрождения, в этом восхождении Церкви к Трапезе Господней, в Его Царствие. И я верю, как всегда верила Церковь, что начинается это восхождение с выхода из мира сего, прелюбодейного и грешного, с «отложения всякого попечения». Не идеологическая суeta и шум, а – дар неба, вот

На вопросы «Кифы» отвечают члены оргкомитета конференции

Дмитрий Гасак, председатель оргкомитета конференции, проректор СФИ: Наше время ставит вопросы церковной жизни достаточно остро, поскольку мир чрезвычайно быстро менялся за столетие, прошедшее после Собора 1917–1918 гг. Собор был эпохальным, рубежным событием, которое до конца ещё не осмыслено. На сегодняшний день наша церковь ещё не достигла того уровня богословского знания и понимания вопросов церковного устройства, которым обладали деятели Собора. Тем не менее жизнь всё время эти вопросы ставит. С момента празднования тысячелетия крещения Руси прошло почти тридцать лет. И особенности развития церковной жизни последних десятилетий побуждают нас задавать себе вопросы: совершилось ли возрождение Русской церкви как некоего целостного организма, как полноценного собрания народа Божьего, совершилось ли возрождение веры во Христа в нашем народе? Что на сегодняшний день представляет собой церковное собрание, как оно себя проявляет в богослужебное время, во внебогослужебное время? Вопросы очень много. Поэтому мы и решили провести конференцию по экклезиологии.

Евхаристическая экклезиология достаточно широко известна, но большинство богословов воспринимают её чисто теоретически, это знание остаётся для многих людей абстрактным. Как это преодолеть?

Это проблема не сегодняшнего дня, но, тем не менее, мы имеем серьёзные расхождения учения о Церкви с церковной практикой. И XX век, и начало XXI века показали: эта дистанция настолько велика, что не замечать её невозможно. При нынешнем состоянии церковных дел мы трезво должны задать себе вопрос: или практика церковной жизни мало соответствует учению Церкви и своему названию, или мы должны сказать, что учение Церкви имеет отдалённое отношение к церковной реальности. Ни с тем, ни с другим верующее сердце смириться не может. А следовательно, этот вопрос нужно по крайней мере адекватно поставить и двигаться к его решению.

Но были же попытки последовательно осуществлять евхаристическую экклезиологию – скажем, в Американской православной церкви?

В том-то и дело, что евхаристическая экклезиология в том виде, в котором

Начало на с. 1

её раскрыл отец Николай Афанасьев, имела образом церковной жизни реалии II и III века. Но мы-то живем в XXI веке! Несмотря на то, что и тогда Церковь жила в нехристианском обществе, и мы сейчас живем в нехристианском обществе, разница в 1700 лет что-то значит и в истории, и в церковном сознании. Другое дело, что мы на сегодняшний день не имеем другой точки отсчёта кроме как евхаристическая экклезиология. Потому что это единственное на сегодняшний день целостное описание образа церковной жизни, принятое, более или менее, всеми православными.

А общинно-братская экклезиология каким-то образом разработана?

Она больше разработана практически, в устном предании. Может быть, это еще важнее, но относительно общинной и братской традиции в церкви даже устойчивой терминологии не существует. А в случае с евхаристической экклезиологией ситуация другая. Но с ней, скорее, противоположная проблема – преобладание теоретической стороны учения над практической стороной его воплощения.

А насколько традиционна сегодня сама констатация наличия разных экклезиологий?

Это нормально. Если библисты находят различие уже в традициях апостолов Иоанна, Павла, Петра, то это о чём-то говорит. Ведь мы имеем дело с несколькими различными взглядами на важность тех или иных акцентов в церковной жизни уже в первом – начале второго века. Что ж говорить о нашем времени. Христианская традиция содержит в себе колоссальный опыт духовной жизни. Но мы его слабо знаем.

То, что существуют разные точки зрения на церковную жизнь, – это нормально. Так всегда было и всегда будет. Это то единство в многообразии, которое вполне свойственно христианскому мировоззрению. Но на сегодняшний день, особенно после событий прошлого года в межправославном мире, мы констатируем, что внешнего многообразия больше, чем единства – того единства духа в мирном союзе, который нам заповедан апостолом.

Экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие

В день кончины протопресвитера Николая Афанасьева (1893–1966). В память об этом выдающемся русском богослове Свято-Сербский институт проводит научно-богословскую конференцию, посвящённую вопросам современной православной экклезиологии

сятницы ученики были напоены Духом «в одно тело» (1 Кор. XII:13), которым они стали в Евхаристии, совершаемой в Духе и через Духа. Она есть «духовная жертва», которая приносится в «духовном доме» (1 Петр. II:5). Она – «pneumatich» (духовная), т. к. сама Церковь принадлежит к новому эону.

Народ Божий, который Бог образовал для Себя в Новом Завете, собирается Богом в теле Христовом. Становление крещённых в «одно тело» происходит на Евхаристии. Поэтому Евхаристия есть, по выражению псевдо-Ареопажита, таинство собрания, но собрание народа Божьего «во Христе» есть Церковь.

Участие в «таинстве собрания» есть выявление жизни Церкви и жизни в Церкви. Евхаристия есть центр, к которому всё стремится и в котором всё сходится. «Сие есть тело Мое», но тело осуществляется в Евхаристии. Где тело, там и Христос. Но и обратно: где Христос, там и Его тело. В Духе совершается присутствие Христа на Евхаристии, которая есть не только собрание, но и трапеза Господня. Он придет, т. к. Он прославлен Богом и уже царствует в Церкви в Духе. Он придет, потому что Он приходит в Церкви, когда верные собраны на «трапезу Господню».

...Каждый из нас, конечно, по своему в

разной степени и с разной силою ощущает некоторую неудовлетворенность нашей современной литургической практикой. Последняя есть результат длительного исторического процесса, в котором многое отпало, что было раньше, и многое появилось того, чего не было раньше. Моя задача заключается в том, чтобы попытаться отделить то, что составляет неизменную основу нашей литургической жизни от того, что случайно в неё проникло. ... Большую часть наша неудовлетворенность определяется не столько дефектами нашей литургической практики, сколько тем, что мы утратили смысл того, что совершается Церковью. Мы ставим

большее ударение на том, что менее существенно, чем на том, что составляет основы нашей литургической жизни. ...Евхаристия есть выражение нашей жизни в Церкви, а потому мы должны её принять, как жизнь и делание. Наша жизнь есть общая жизнь и наше делание есть «общее дело», и это есть то, что мы утратили, и это есть то, что, прежде всего, и раньше всего мы должны вернуть.

Протопресвитер Николай Афанасьев.
Из предисловия к книге
«Трапеза Господня»

призвание Церкви в мире, вот источник её служения.

Я верю, что, по милости Божьей, именно Православие сохранило и чрез все века пронесло это видение, это самопонимание Церкви, это знание, что «где Церковь, там и Дух Святой и вся полнота благодати» (Ириней Лионский, «Против ересей», 4,18). Но именно потому, что это так, мы, православные, должны найти в себе силу погрузиться в это евхаристическое возрождение Церкви. Речь

идет не о «реформах», «приспособлениях», «модернизации» и т. д. Речь идёт, напротив, о возврате к тому видению, к тому опыту, которым изначала жила Церковь.

В том, чтобы напомнить об этом, и состоит цель этой книги.

Я писал её – с думой о России, с болью и одновременно радостью о ней. Мы здесь, на свободе, можем рассуждать и думать. Россия живет исповеданием и страданием. И это страдание, эта верность –

есть дар Божий, благодатная помощь.

И если хоть часть того, что я хочу сказать, дойдёт до России, и если хоть в чём-то окажется полезной, я буду считать, с благодарностью Богу, дело моё исполненным.

Протопресвитер Александр Шмеман.
Из вступления к книге «Евхаристия.
Таинство Царства», ноябрь 1983 г.

этой темой, центральной для минувшего и наступившего столетия?

Священник Георгий Кочетков, ректор СФИ: Мы надеемся на то, что опыт важнейших, уникальных экклезиологических разработок XX века в Православной церкви будет известен не только нескольким людям – что он

На что надеются организаторы конференции, когда с экклезиологией всё так непросто и среди современных богословов почти нет тех, кто занимался бы

станет известен церкви, что люди интересуются, увидев, что здесь есть разрешимые проблемы. Проблем много, они выглядят сейчас как тупиковые, а нужно показать пути разрешения этих проблем, связанных с евхаристической, поместно-приходской, кликальной, общинно-братской экклезиологией. Везде есть серьёзные большие проблемы, по ним до сих пор нет единого мнения, специалистов действительно практически нет. Есть несколько человек, которые более или менее успешно пишут на эти темы, но их во всём мире можно посчитать по пальцам, причём это ещё не значит, что они ответят на любой вопрос. Надо собирать этот опыт, надо собирать силы Церкви, даже когда их очень мало. Вот на это мы и надеемся. И мы готовы посвятить этому даже не один год, а целый ряд лет.

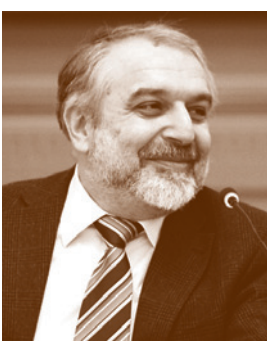
Почему было принято решение изменить традиционную тематику?

Александр Копировский, член оргкомитета конференции: С одной стороны, потому что по катехизации мы наработали столько, что много лет это ещё будет восприниматься и, к тому же, в малых дозах, прежде чем начнётся использование нашего опыта в массовом масштабе. Продолжать разработку – значит «отрываться от обзоров», разговаривать в очень узком кругу. Но и для нас самих в материалах изданных конференций хватит работы – изучать, анализировать напечатанное, чтобы корректировать собственную практику.

С другой стороны, главное и вправду сделано. И нужно переходить к более актуальным темам, но не локальным, а общим. Отсюда – тема Церкви и церкви, т. е. экклезиология.

Многие воспринимают евхаристическую экклезиологию чисто теоретически, это знание остается абстрактным. Как это преодолевать?

Она вряд ли достаточно известна, в лучшем случае известен термин, но не его содержание. Отсюда крайности: либо подозревают в ней некое нововведение, либо наоборот – смотрят на неё, как на панацею, на разрешение всех церковных проблем, забывают о том, что в Церкви главное – новая благодатная жизнь людей во Христе и со Христом, которая не может быть сведена к участию в таинствах. Преодолеть крайности, хотя бы отчасти, через живое обсуждение этой темы, через углубление её или опровержение устоявшихся мнений, стереотипов – это и есть одна из целей конференции.

Почему возникла идея обсудить на конференции подробно экклезиологическую концепцию о. Николая Афанасьева?

Давид Гэгзян, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ: Как ни странно, её знают плохо. Евхаристическая экклезиология, конечно, известна, само это словосочетание не в диковинку, но аутентичная теория о. Николая подверглась всякого рода искажениям по ходу её восприятия. И нам хотелось бы приложить усилия к восстановлению подлинного вида этой доктрины. Надо сказать, что за прошедшие 50 лет никакой равновеликой и столь же разработанной экклезиологической концепции не возникло. А ведь экклезиология, по мнению Владимира Николаевича Лосского, являлась самой горячей темой XX века. Мы можем добавить: остается таковой и в XXI веке. Никто не может снять с повестки дня вопросы о перспективах Церкви в будущем. И о. Николай Афанасьев с его евхаристической экклезиологией сохраняет в этом смысле приоритет в качестве единственного заслуживающего внимания теоретического подспорья в том, чтобы выработать адекватные модели церковного устройства, церковной жизни и т. д.

А часто ли бывают обсуждения, конференции, связанные с экклезиологической тематикой?

На самом деле, нет. И это неудивительно. Среди тех, кто занимается этой проблематикой, встречаются интересные персоны, оригинальные позиции, но во всём мире таких людей единицы. И этому не стоит удивляться, потому что сейчас, по большому счету, наблюдается кризис богословской мысли (если акцентировать слово «мысль», а не иметь в виду специалистов по тем или иным текстам, по истории вопросов и т. д.; такие специалисты ещё бывают, а мыслители – это почти исчезнувшая «порода»). Тем более это касается ситуации в Русской православной церкви, принимая во внимание тяжёлые обстоятельства её недавнего прошлого – ведь в советское время развитие богословской науки было

практически невозможным. Для развития богословской мысли нужна раскрепощённость, свобода мысли и высокая культура критической рефлексии. Но едва ли развитие этих качеств – приоритет для духовных учебных заведений...

Тем более стоит хотя бы имеющимися силами лишь раз освежить в памяти саму доктрину о. Николая и попытаться понять её перспективы именно как корневое богословие, из которого могли бы появиться некие ответвления, которые претендовали бы со временем на то, что они в состоянии её усовершенствовать.

Я помню, в 2003 году проходила организованная Синодальной богословской комиссией международная конференция по экклезиологии. И когда я брала интервью у тех немногих людей, которые затрагивали в своих докладах евхаристическую экклезиологию (это были греки), и пыталась задавать им вопросы о практическом воплощении того, что они говорили, это вызывало очень сильное недоумение. Получается, такое знание остается для многих людей абстрактным?

Надо знать специфику греческого подхода. Это богословский символизм, который предполагает следующее общее отношение ко всякого рода богословским доктринам и идеям: то, о чём мы говорим, в Церкви уже присутствует. Если вы будете спрашивать: «А покажите, где оно присутствует», это будет вызывать недоумение, потому что на всё есть готовые ответы: «это присутствует в троичном догмате», «это присутствует в православных таинствах» и т. д.

Я бы сказала, что очень многие представители различных богословских институтов здесь в России как раз являются представителями сугубо греческого подхода, что не удивительно – ведь веру нашу мы взяли из Византии.

Я думаю, это связано с упоминавшимся отсутствием культуры критической рефлексии, в ещё большей степени характерным для греков, в сравнении с российскими православными мыслителями. Не случайно живые

богословские мыслители в России в первую очередь выходили из университетов и академий пореформенной поры, ставших довольно свободными с точки зрения режима и методов обучения.

Это всё надо принимать во внимание, чтобы понимать, почему ситуация в богословии сложилась именно таким образом.

Но на что можно надеяться (в том числе и организуя конференцию), когда обстановка против того, чтобы всерьёз вести такой разговор и как-то прикладывать его к жизни?

На самом деле вопрос «на что можно надеяться?» нас не должен заставлять врасплох. Потому что если подумывать всерьёз – на что мог рассчитывать Господь, принимая во внимание степень реального понимания Благой вести даже учениками – не говоря уж о том, с какой «готовностью» воспринималась она народом Божиим? У всякого человека должны были бы опуститься руки. Да и в истории не наблюдается оптимистических периодов, которые прямо свидетельствуют о том, что наступили золотые времена христианства, если посмотреть строго и беспристрастно. При том, что были великие времена. Но и они ведь несколько не характеризуются массовым и одновременно глубоким восприятием христианства.

Я думаю, что организаторы конференции не рассчитывают на то, чтобы кардинальным образом переломить ситуацию. Они скорее действуют по принципу «всё равно это необходимо» – ведь если мы всерьёз верующие православные христиане, нам нельзя оставить без внимания существование такого феномена, как евхаристическая экклезиология о. Николая Афанасьева. К слову говоря, всерьёз ей никто ведь не возразил, никто не нашёл никаких концептуальных контраргументов. Конструктивная критика требовала её развития и углубления. Но никак не сдачи в архив. И если её автор приблизился к нормам церковности, значит, мы должны работать для того, чтобы это приближение продолжалось и далее.

С членами оргкомитета беседовали Александр Колымагин, Анастасия Наконечная

«Насколько мы всё-таки изменились за последние 80–90 лет»

В год столетней годовщины революции вышло второе издание книги Софии Георгиевны Феединой «Верю, помню, люблю»

103-летняя жительница Москвы, дочь расстрелянного в 1937 году протоиерея Георгия Непомнящих, София Георгиевна сама десять лет провела в советском концлагере. Тем не менее её книга полна надежды и веры в человека, которая проявлялась в ней даже в самые трудные годы её жизни.

Сегодня мы публикуем отзывы читателей Софии Георгиевны и благодарим Бога за то, что и в наше время есть возможность не только читать книги исповедников веры, но и общаться с ними лицом к лицу.

Книга воспоминаний исповедницы веры Софии Георгиевны Феединой «Верю, помню, люблю» поразила меня простотой и внутренней убедительностью правды. Сила этих воспоминаний заключается не в изображённых страданиях, ужасах и безумии террора, хотя это там есть, но в свидетельстве веры в Бога. В том, что правда всегда побеждает, что никакие обстоятельства не могут сломить верующего человека и что память и любовь спасают из небытия.

Я вижу, что эта книга интересна очень разным людям прежде всего благодаря яркой личности её автора и ещё потому, что она читается на одном дыхании, ведь свидетельство участника приобщает читателя к описанному событию,

делая его взволнованным очевидцем пережитой автором истории. Книга избавляет от равнодушия к тому, что было «давно и не с нами» и помогает самым разным людям увидеть необходимость осмысления истории нашей страны в XX веке через призму судьбы конкретного человека.

Валерия Волкова, Москва

С Софией Георгиевной мы познакомились в прошлом году. Она удивительная, живая, искренняя. И её книга такая же: она захватывает читателя полностью. Так что оторваться можно лишь окончив читать. Её слова: «Никогда не отрекайтесь от Бога» лежат в основании всей её жизни.

Ольга Шарапова, Москва

Читая книгу Софии Георгиевны Феединой, мы чувствуем, насколько тесны, крепки, неразрывны невидимые нити, скрепляющие людей, истинно верующих во Христа. Перед нами – чистосердечное свидетельство Правды Божией, света неугасимого, не меркнувшего в мире, полном зла и человеконенавистничества. София Георгиевна всегда была исполнена этим светом, и она делится им с нами на страницах своей живой книги.

Александр Концевич, Санкт-Петербург

Эта книга открывает, насколько мы

всё-таки изменились за последние 80–90 лет. На примере семьи С.Г. Феединой можно увидеть, что каждый член семьи старался поддержать другого в самые страшные моменты жизни, и это было нормой, хотя и грозило смертью. И что семья всегда стремилась к объединению и чувствовала себя настоящей семьёй в единстве. И в этом тоже была сила человека!

Сейчас человек всё больше и больше становится индивидом, а не личностью. И это тоже, увы, норма.

Татьяна Яковлева, Санкт-Петербург

Патриарх Кирилл призывает писать больше книг о подвиге пострадавших за веру в советские годы

«К сожалению, сегодня мы видим немного значимых литературных произведений о новомучениках и вообще о пострадавших в период гонений, хотя открыт довольно большой объём соответствующих документальных материалов. Убеждён: обществу необходимы познавательные и вместе с тем нравственно выверенные произведения, в доступной форме рассказывающие об этой исторической эпохе», – сказал патриарх Московский и всея Руси Кирилл на заседании палаты попечителей Патриаршей литературной премии.

По его словам, современники более или менее хорошо знакомы с именами и подвигами полководцев, героев, но гораздо хуже осведомлены о деятельности тех, кто внёс весомый вклад в сохранение веры и духовной культуры страны в годы гонений.

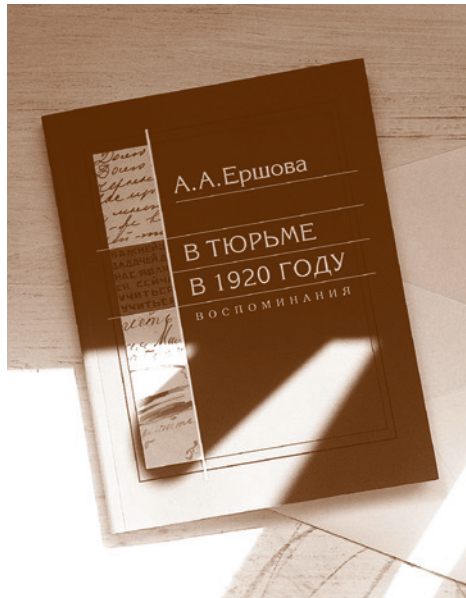
«А ведь это тоже герои! И их героизм умножается тем обстоятельством, что они кончали свою жизнь не на глазах десятков, сотен и даже тысяч людей, а погибали в застенках, не имея никакой надежды, что правда об их мученической кончине когда-нибудь будет открыта», – заявил председатель.

Как отметил патриарх, раннехристианские мученики погибали в цирках, и тысячи людей это видели, «но никто не видел, не слышал, не знал о подвиге новомучеников».

Интерфакс-религия

«Может, Вас Бог послал сюда...»

Издана книга тюремных воспоминаний христианской просветительницы А.А. Ершовой

Презентация книги Александры Алексеевны Ершовой «В тюрьме в 1920 году: Воспоминания» состоялась 4 апреля в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына. В презентации книги, которая издана Культурно-просветительским фондом «Преображение», приняли участие потомки А.А. Ершовой.

В книге впервые публикуются дневниковые записи писателя, педагога и христианского просветителя А.А. Ершовой (урождённой Штевен, 1865–1933) о её заключении в советской тюрьме во время гражданской войны. В 1920 году она отправилась из Полтавы через фронт для розыска двух своих сыновей, воевавших в Белой армии. В прифронтовой полосе она была арестована, обвинена в шпионаже и 8 месяцев провела в концлагере под угрозой расстрела. Мемуары этого периода наполнены размышлениями об истории

России, потерянной и разрушенной. Воспоминания отражают глубокую веру и христианскую культуру их автора, которые проявляются в отношении к окружающим её людям и ко всему происходящему.

Как отметила редактор фонда «Преображение» Ольга Борисова, в заключении А.А. Ершова являла свидетельство веры, «исповедуя Христа перед лицом безбожного мира в любой обстановке». Судя по её воспоминаниям, она даже укрепляется в вере, видя, куда ведет людей безбожная жизнь. По словам историка, главный мотив этих тюремных мемуаров – жалость и сочувствие к тем, кто не знает Бога. Сама же она старалась, как могла, рассказывать людям о Христе, читала и комментировала Евангелие, отвечала на вопросы. «Может, Вас Бог послал сюда, чтобы мы Вас послушали», – записывает Александр Алексеевна слова одной из соузниц, обращённые к ней. Чтение этой книги и сегодня призывает задуматься о смысле и пути жизни, сказала Борисова.

Внучка А.А. Ершовой Александра Петровна Ершова, кандидат педагогических наук, родилась через пять лет после гибели бабушки (та попала под автомобиль при переходе через улицу), но она помнит, что в семье всегда с большим уважением говорили о бабушке. Она рассказала, что в 1980-х гг. старшая дочь А.А. Ершовой Мария Левицкая написала биографию матери и отпечатала её на пишущей машинке. Новой книге предпослано предисловие М. Левицкой, которая так говорит о матери: «Душа её жила глубокой верой в Бога и в Его Вечную Истину, за которую – такую, как она понимала – она, не задумываясь, отдала бы жизнь. Она органически не терпела никакой лжи и фальши и была к ним совершенно не

способна... Она видела все зло мира и часто повторяла слова апостола Иоанна «мир во зле лежит». Но это не вызывало в ней ни озлобления, ни презрения к людям, а скорее жгучую скорбь о том, что они ушли от света, который она видела перед собой...».

Воспоминаниями о своей матери М. Левицкой поделился ещё один внук А.А. Ершовой Алексей Левицкий. Он говорил об особой духовной близости матери и старшей дочери: «Глубокая вера в Бога, стремление жить по христианским заповедям очень объединяло мать и дочь», – сказал выступавший.

А.П. Ершова вспомнила, как в конце 1980-х гг. она с другими членами семьи поехала в Яблонку – бывшее имение Штевен под Арзамасом, где её бабушка открыла свою первую школу и сама работала там учительницей. Оказалось, что жители деревни ещё сохранили тёплые воспоминания об учительнице, которая с 1885 по 1895 гг. открыла в Нижегородской губернии более 50 школ и несколько сельских библиотек. А.А. Ершова, неутомимая просветительница, учила детей не только грамоте, но и давала им основы нравственного христианского воспитания. Она состояла в переписке с Львом Толстым, Владимиром Короленко, Владимиром Вернадским, Сергеем Рачинским и другими деятелями культуры, науки и просвещения.

Когда потомки А.А. Ершовой передали её архив в фонд «Преображение», изучением этого корпуса документов занялась Ольга Синецына, которая и подготовила публикацию воспоминаний 1920 г. На презентации она говорила о своей особой духовной связи с А.А. Ершовой, у которой «можно многому научиться». Так, «Александра Алексеевна была очень трезвенным

человеком, вера помогла ей понять, что происходило в России в начале XX века, она сумела избежать увлечения духами революции, которому поддалась большая часть российской интеллигенции». Ольга Синецына заверила, что публикация наследия А.А. Ершовой будет продолжена.

О необходимости такой публикации говорили на вечеру: историк из Санкт-Петербурга Дарья Тимохина, которая подчеркнула, что свидетельств очевидцев красного террора, узников раннесоветских тюрем сохранилось очень мало; историк из Православного Свято-Тихоновского университета Андрей Кострюков, который считает, что в воспоминаниях А.А. Ершовой содержатся не только факты, но глубокий анализ духовного состояния народа.

Профессор Свято-Филаретовского института Александр Копировский отметил значение и актуальность новой книги. «В тюрьме, где ей каждую минуту угрожала смерть, Александра Алексеевна не выживала, а жила. Когда внутри у человека не железная воля, а духовный стержень, тогда человек, даже если погибнет, оставляет после себя силу. Тот опыт, который она приобрела в тюрьме, важен с точки зрения Бога и вечности», – сказал он.

На вечеру был показан документальный биографический фильм, посвящённый А.А. Ершовой и её большой семье (в браке с Михаилом Дмитриевичем Ершовым родилось семеро детей). Презентацию вёл Владимир Лавренов, кандидат исторических наук, член геральдического совета при президенте РФ. Новая книга имеет гриф Издательского совета Русской Православной Церкви.

Юлия Зайцева
Благовест-инфо

«Знание приводит к Богу, полузнание удаляет от Него»

Фрагменты статьи иеромонаха Кронида (Печевистого) «Философия, религия и медицина в творчестве святителя Луки, архиепископа Симферопольского и Крымского (профессора медицины В.Ф. Войно-Ясенецкого)»

«Не здраво рассудителен математик, если он хочет Божескую волю вымерять циркулем. Тако же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтире научиться можно астрономии или химии».
М.В. Ломоносов

Почти два десятилетия спустя в труде «Наука и религия»¹ святитель Лука (Войно-Ясенецкий) обратится к этим словам великого русского просветителя и будет подводить читателя к важнейшей мысли о том, что «причина предубеждения (как в отношении религии как таковой, так и в отношении сосуществования религии и науки) – в поверхностном знании, как в области науки, так и в области религии, и этим подтверждается мысль: “Знание приводит к Богу, полузнание удаляет от Него”». «Полузнание, – напишет он, – бич нашего времени: оно-то и создает названное только что предубеждение»².

В предисловии к религиозно-философскому и научному труду, в котором он изложил свои взгляды на взаимоотношения науки и религии, да и вообще на религиозно-философское и научно-практическое восприятие мира, автор говорит: «На своём жизненном пути нам встречаются два типа людей. Одни во имя науки отрицают религию, другие ради религии недоверчиво относятся к науке. Встречаются и такие, которые умели найти гармонию между этими двумя потребностями человеческого духа. И не составляет ли такая гармония той нормы, к которой должен стремиться человек? Ведь обе потребности коренятся в недрах человеческой природы.

И не в том ли кризис образованного человека, что у него “ум с сердцем не в ладу”? Не эта ли односторонняя “умственность” разъединила в России интеллигенцию и народ? И уже одно то, что в настоящее время под флагом науки, которая будто бы давно опровергла религию, преподносятся народу атеизм и антихристианство, заставляет нас глубоко обдумать и основательно решить вопрос: противоречит ли наука религии?»³

Даже сегодня, спустя почти 70 лет после написания этих строк, они остаются по-прежнему актуальными. Потому что несмотря на гибель тоталитарной системы на просторах бывшего СССР, наши соотечественники до сих пор пребывают в плену иллюзий относительно взаимоотношений современной науки и религии и живут зачастую какими-то почти мифическими представлениями о Православной Церкви.

Мы знаем, в какое непростое время был написан трактат «Наука и религия». Сам факт его создания был вызовом государственной атеистической идеологии, а тем более попытка показать бессмысленность противопоставления науки и религии и указание на их возможное совместное использование для того, чтобы помочь «страдающему человеку».

Вот какое определение даёт святитель Лука в этом труде термину «наука»: «Наука – есть система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности. ...Научная деятельность движется, она есть процесс “созидания истины путём опыта и умозрения”. Этот процесс в науке есть нечто динамическое, становящееся: оно проходит через

Святитель Лука оставил после себя множество научных трудов и два богословских трактата

вопросы, искания, сомнения, предположения, которые потом могут оказаться и ложными. И только знания, то есть подлинные отражения действительности, – составляют установленное, статическое содержание науки, знания, то есть доказанные, общеобязательные, общепризнанные, объективные суждения, оправданные и логически, и эмпирически, и умозрением, и опытом. Это знания о явлениях, то есть проявлениях жизни, природы, но не о её сущностях (феноменах, а не ноуменах), о мире, как мы его видим, созерцаем, но не о мире, как он есть сам по себе, по существу»⁴.

«Человеку же, – продолжает автор, – хочется знать больше... Мы хотим знать душу, потому что жизнь вся есть – встречи и взаимодействия человеческих душ, а душа есть сам человек. Странно было бы утверждать, что наука знает или может знать всё бытие. “Есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам”, – говорит Гамлет у Шекспира. А между тем мы и это запредельное хотим постигнуть, хотим разрешить те вопросы, которыми так полна душа юноши у Гейне: “Что тайна от века? И в чём существо человека? Откуда приходит, куда он идёт? И кто там, вверху, за звездами?”»⁵.

Далее он постепенно подводит читателя к мысли о том, что же, собственно, есть знание, и что оно находится в непосредственной связи с религией.

«Знание больше, чем наука. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это, прежде всего, интуиция, то есть непосредственное чутьё истины, которое угадывает, прозревает её, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания. Эта интуиция всё более (в последнее время) занимает внимание философии. Ею мы живём гораздо больше, чем предполагаем. Она-то ведёт нас в другую, высшую область духа, – то есть в религию»⁶.

«Знание приводит к Богу, полужнание удаляет от Него»

За десять лет до кончины архиепископ Лука начал слепнуть, и в середине 1950-х ослеп полностью, но не оставил служения

Современная наука своими корнями уходит в глубокую древность, поскольку ростки научного знания возникли ещё в древнем мире. Храмы древневосточных цивилизаций были настоящей колыбелью науки, являясь первыми школами, лабораториями и обсерваториями. Первые анатомические атласы, первые математические формулы, первые карты вышли из рук людей, которые служили религии.

Наука в современном смысле этого слова стала складываться лишь к концу XVI – началу XVII века.

Конечно же, святителю Луке, как видному научному деятелю, для подтверждения своих тезисов о взаимоотношениях науки и религии было просто необходимо привести мнения авторитетных учёных об этом предмете. Ньютон и Декарт, Кеплер и Паскаль в XVII веке не ощущали на себе никаких «конфликтов» науки и религии. Они совершали свои научные подвиги, оставаясь искренне религиозными людьми и богословами. Даже в вольнодумном XVIII веке такие учёные, как Ломоносов, Гершель, Эйлер исходили в своём изучении природы из религиозного мировоззрения. В XIX веке мы видим такую же картину. Религиозными людьми были Либих и Пастер, Кювье и Уоллес, Лайель и Фарадей, Майер и Рентген, Ом и Максвелл и многие другие. Святитель Лука приводит высказывания многих известных учёных из разных областей науки, писателей, философов, своих коллег-врачей, подтверждающие это.

Особое место он отводит Николаю Ивановичу Пирогову, чей авторитет в области медицины был и остаётся непрекращаемым. Владыка особо подчеркивает: «В своём дневнике Пирогов утверждает, что он исповедует христианскую веру именно так, как она излагается Православной Церковью»⁷.

«Отношение Пирогова к религии, – говорит святитель Лука, – старательно скрывается современными писателями и учёными. Приведём из сочинений Пирогова замалчиваемые цитаты. «Мне нужен был отвлечённый недостижимый высший идеал веры. И принявшись за Евангелие, которого я никогда не читывал, а мне было уже 36 лет от роду, я нашёл для себя этот идеал»⁸.

«Веру я считаю психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животных».

«Веруя, что основной идеал учения Христа, по своей недостигаемости, останется вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира через внутреннюю связь с Божеством, мы ни на минуту не можем сомневаться и в том, что этому учению суждено быть неугасимым маяком на извилистом пути нашего прогресса».

«Недостигаемая высь и чистота идеала христианской веры делает его истинно благодатным. Это обнаруживается необыкновенным спокойствием, миром и упованием, проникающим всё существо верующего, и краткие молитвы, и беседы с самим собою, с Богом»⁹.

Святитель Лука говорит и о своём жизненном опыте, о тех учёных, с кем ему пришлось встречаться в разные годы и которые были совершенно солидарны с ним во взглядах. «Вспоминаю, – пишет он, – беседу с профессором И.Ф. Огневым... Когда речь зашла о религии, он особенно воодушевился: «Для меня религия – это духовная жизнь, которую мы имеем через Иисуса Христа... Об одном жалею, это о том, что был целый период, когда я этой жизни не знал». При этих словах у него навернулись слёзы.

Как хотелось бы, чтобы мы все исполнились этим священным волнением. Нам нужно живое знание и зрячая вера, и только их синтез и неразрывная связь откроют возможность творческой жизни. Ибо творят жизнь мудрые, окрылённые верой»¹⁰.

Святитель делает вывод: «Много подобных примеров из жизни учёных, но и этих достаточно, чтобы видеть, что только наше «полужнание» удаляет нас от Бога. Если эти гении и таланты, двигавшие науку, были людьми веры, то почему не можем мы быть последними, являющиеся в научном отношении только их слабыми учениками?»¹¹.

Нет сомнения, что главной движущей силой, разрушающей природу, является забвение духовных ценностей, к которым нас призывает Священное Писание, и, прежде всего, аскетизма и воздержания. Идеалы общества потребления, человеческий эгоцентризм, стремление к комфорту и наслаждениям, безудержная погоня за прибылью, вещиизм завели общество в тупик, из которого есть лишь один выход – христианский образ жизни. Церковная традиция воспитывает в людях ответственность не только за ближних, но и за природу. Человек, согласно Священному Писанию, призван возделывать и хранить мироздание (Быт 2:15). В христианском отношении к миру нет места ни эгоизму, ни потребительству, человек, по слову прп. Максима Исповедника, должен привести ко Творцу весь сотворенный Им космос. Удаляясь от христианских ценностей, наука становится бездуховной, а её применение теряет нравственные ориентиры. Лишь наука, обратившаяся к Богу, ищущая истины, неотделимой от добра и красоты, способна будет вполне воспринять ту великую меру ответственности, с какой нужно подходить к каждому отдельно взятому творению Божию. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь поклонилась суете не добровольно, но по воле покорившей её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Рим 8:19–22).

И.Е. Репин. Приезд Н.И. Пирогова в Москву на юбилей. 1883–1888 гг.

Приблизившись к сокровенным тайнам бытия, к предельным вопросам мироздания (здесь необходимо напомнить о познании тайн вещества и его глубинного строения, появлении новых представлений о вакууме и физических полях, овладении новыми видами энергий, использовании эффекта сверхпроводимости, новейших лазерных технологий, расшифровке ДНК человека (кстати, поставившая одну из важнейших точек в теории эволюции) развитие компьютерных систем и единой информационной сети интернет и многое другое), нынешняя наука как никогда прежде нуждается в серьёзном, в первую очередь богословско-философском осмыслении своих открытий и исследований.

Провозглашение независимости науки от традиционных христианских ценностей в конечном итоге равнозначно отрицанию науки. Потому что наука изучает лишь тот мир, который доступен для наблюдения. Религия же устремляет человеческий дух к миру неземному, который не может быть постигнут чисто научными методами. Поэтому полезно помнить о том, что даже если наука окажется способной объять весь материальный мир, сфера нематериальная останется для неё закрытой. Отсюда можно сделать следующий вывод: по существу своему наука нейтральна в отношении религии и философии.

Священное Писание, не имея прямого отношения ни к одной космогонической теории и повествуя о творении мира лишь в общих положениях, в символах, даёт человеку знание о том, для чего человек живёт и как он должен прожить данную ему Богом жизнь для того, чтобы достигнуть конечной цели своего бытия – обожения. В этом плане религиозное мирозерцание представляет собой более целостную систему, включающую всю человеческую жизнь, в том числе и жажду познания человека, и научное исследование им мира. Таким образом, наука и религия – это два пути познания человеком материального и духовного мира.

Но как же тогда должны строиться отношения науки и религии в нашем XXI веке? Ответ на этот вопрос человечество может найти в трудах святителя Луки. «Именно наука доказывает нам необходимость религии. Она ставит те же самые вопросы, на которые отвечает религия. Она (т. е. наука) по закону причинности приводит нас к Первопричине мира, а религия отвечает, Кто является этой творческой первопричиной не только мира, но и человека. Наука открывает вечный Логос бытия, обуславливающий эту гармонию. Наука приводит к необходимости какого-то разумного смысла в жизни, какого-то высшего назначения жизни. Религия отвечает – это Бог».

«Христианство и наука не враждебны друг другу, отнюдь. Оно создало предпосылки для рождения научной картины мира – а потому оно не может быть враждебным по отношению к науке... Наука имеет лишь явления, а философская пытливость человека стремится проникнуть за завесу, которая скрывает от нас подлинную сущность мира, его естество, его истинное бытие, его онтологическую основу, его истину»¹². Как говорил святитель Филарет Московский, «вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством».

Полностью статья была опубликована в Историко-медицинском журнале «Асклепий», издании Крымского государственного медицинского университета

Валентин Феликсович (в будущем – святитель Лука) Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 г. в Керчи, в семье, принадлежавшей к знатному, но обедневшему дворянскому роду. После окончания медицинского факультета Киевского университета работал земским врачом, во время Русско-Японской войны заведовал хирургическим отделением эвакуационного госпиталя в Чите. Впоследствии в разных городах России занимался универсальной хирургической работой по всем разделам медицины. Изобрел новый метод проведения местной анестезии, защитил по этой теме в 1916 году докторскую диссертацию.

В 1920 году, через год после смерти жены, в Ташкенте принял священный сан. Рукополагавший его епископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский) говорил, что главное пастырское служение отца Валентина – проповедь. И действительно, во многих местах, куда приезжал служить будущий владыка, его проповеди принимали с большой благодарностью, а часто – переписывали и передавали из рук в руки. Весной 1923 года под давлением ГПУ епископ Иннокентий был вынужден уехать из Ташкента. Отец Валентин и протоиерей Михаил Андреев взяли на себя управление епархиальными делами и сплотили вокруг себя священников – сторонников патриарха Тихона. В мае 1923 года в Ташкент прибыл ссыльный епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который незадолго до того встречался с патриархом Тихоном и получил право избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их. Вскоре Валентин Феликсович был пострижен в монахи в собственной спальне с именем Луки и наречён епископом Барнаульским, викарием Томской епархии. Поскольку для присвоения епископского сана необходимо присутствие двух или трёх епископов, Валентин Феликсович поехал в город Пенджикент недалеко от Самарканда, где отбывали ссылку два архиерея – епископ Волховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер). Хиротония с наречением архиерея Луки титулом епископа Барнаульского состоялась 31 мая 1923 года.

Владыку четырежды арестовывали, всего он пробыл под арестом и в ссылке 11 лет. Свой самый знаменитый труд «Очерки гнойной хирургии» он начинал и заканчивал в тюрьме. В 1937-м его подвергали «конвейерной» пытке бессонницей в течение 13 дней, заставляя дать на себя и других ложные показания, но не добились этого.

В начале Великой Отечественной войны епископ Лука отправил телеграмму председателю Президиума Верховного совета СССР Михаилу Калинин: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий... являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». В октябре 1941 г. он был назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Сам проводил самые тяжёлые операции, осложнённые обширными нагноениями, одновременно управлял Красноярской епархией. В письмах сыну Михаилу он писал: «...в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера... Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять». Напряжённый труд дал блестящие научные результаты. В конце 1943 г. вторым изданием, значительно дополненным, выходит «Очерки гнойной хирургии», а в 1944 г. публикуется книга «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». Он мечтал об основании института гнойной хирургии, чтобы передать громадный врачебный опыт, однако это ему не было разрешено.

Летом 1943 года владыка впервые получил разрешение выехать из Красноярска в Москву для участия в Поместном Соборе. Недолгое время он был постоянным членом Священного Синода, однако вскоре отказался участвовать в деятельности Синода, сославшись на длительность поездок из Красноярска в Москву.

В 1944 году епископ Лука был переведён на Тамбовскую кафедру, где за два года его служения было открыто 24 прихода. Также он разработал план возрождения религиозной жизни в Тамбове, где, в частности, предлагалось проводить религиозное просвещение интеллигенции, открытие воскресных школ для взрослых.

В 1946 г. постановлением правительства профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий был награждён Сталинской премией. Владыка позволял себе делать то, что многие считали невозможным: мог повесить икону у себя в кабинете, перекрестить пациента перед операцией, на совещания врачей приходил в облачении и т. д.

Последние годы жизни возглавлял Крымскую кафедру, где общался с членами Александро-Невского братства из общины митр. Гурия (Егорова), которых знал ещё по Ташкенту. Умер в 1961 году 11 июня, в день всех святых, в земле Российской просиявших.

¹ При жизни святителя книга не была опубликована и увидела свет впервые лишь в 2000 году. – Ред.

² Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука). Наука и религия. Симферополь, 2006. С. 40.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 34–35.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же.

⁷ Пирогов Н.И. Сочинения. СПб, 1888, т. 1, С. 498.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 270, 182, 177.

¹⁰ Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука). Наука и религия. Симферополь, 2006. С. 80.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Там же. С. 62, 63.

Христианин родом из Серебряного века

В культурном центре «Покровские ворота» состоялась презентация книги Павла Проценко «К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1887 – 1937»

Анатолий Жураковский родился 4 марта 1897 г. в московской семье русских интеллигентов. Его отец преподавал в средних и высших учебных заведениях русский язык и эстетику. Вскоре семья переехала в Киев, где Анатолий познакомился с В.В. Зеньковским, В.И. Экземплярским, прот. Михаилом Едлинским, прот. Александром Глаголевым и другими известными церковными деятелями, оказавшими на него серьезное влияние.

После окончания историко-филологического факультета Киевского университета в 1920 г. Анатолий был рукоположен во пресвитеры. Вскоре он начинает служить в храме св. Марии Магдалины, где постепенно собирает общину, впоследствии под его руководством рождается сестричество во имя св. Марии Магдалины и братство свт. Иоанна Златоуста. Общинники и братчики занимались благотворительностью, помогали больным, безвозмездно ухаживали за лежащими, заботились о заключённых. Братья и сёстры «занимались церковным и общедуховным самообразованием, собирались вместе для чтения Св. Писания, обсуждали богословскую и классическую литературу».

В 1923 г. о. Анатолий был арестован «за подрыв советской власти путём проповедей» и сослан на два года в Краснококшайск (Йошкар-Ола). В своих письмах братчикам он писал: «Жизнь общины для меня дороже моего личного существования. А ещё дороже жизнь Церкви и её вечной святости. И хотелось бы, чтобы жизнь общины была полной, осмысленной, радостной, неразрывно связанной с жизнью и страданиями всей тяжко больной, изнемогающей в муках Церкви».

С 1927 г. о. Анатолий и его община были «непоминающими». В 1930 г. о. Анатолия вновь арестовали, приговор – 10 лет лагерей. В 1937 г., в возрасте 40 лет, в лагере под Сандармохом о. Анатолий Жураковский был расстрелян.

Анатолий Жураковский – знаковая фигура религиозной жизни Киева двадцатых годов прошлого века. Он принадлежал к поколению, призванному преобразовать «энергии высших сфер духа» и тем самым ответить на революционные вызовы времени. Вместе со своими единомышленниками он помогал бедным и заключённым, занимался просвещением народа и работой с молодёжью. Однако, как заметил Проценко во вступительном слове, церковным активистам вскоре стало ясно, что в дом пришли убийцы и предстоит или отречься от жизни ради исповедуемых идеалов, или попытаться приспособиться к жёстким правилам советского общежития.

Отец Анатолий сделал свой выбор. И после долгих семи лет тюремных и лагерных унижений был расстрелян. Была перемолота и вся большая церковная община Киева, частью которой являлись сестричество св. Марии Магдалины и братство свт. Иоанна Златоуста, созданные Жураковским.

Однако не все духовные дети казнённого священника погибли. На презентации Проценко рассказал, как познакомился в 1970-е годы с остатками сестричества о. Анатолия, жившими компактно в большой квартире в столице социалистической Украины и создавшими общину «Ноев ковчег». Покровителем киевской «христианской республики», тихо образовавшейся на Гоголевской улице, негласно

считалась Анна Артоболевская, выдающийся фортепьянный педагог, у которой учились три Алексея – Алексей Головин, Алексей Любимов и Алексей Наседкин.

Проценко познакомил собравшихся со структурой издания, куда, кроме биографических глав, вошли многие архивные документы, фотографии, список источников, стихи Жураковского, именной указатель, перечень основных дат жизни священника.

Остановился он и на истории создания книги. Изучив некоторые архивы частных лиц, исследователь решил составить сборник материалов, включающих проповеди о. Анатолия и его жизнеописание, и отправить на Запад. В 1981 году с помощью сотрудника французского посольства в Москве Проценко передал машинопись сборника с короткой запиской Никите Струве, директору старейшего эмигрантского издательства «ИМКА-Пресс». И вскоре в свет вышла первая версия монографии.

Затем была публикация в самиздатском журнале «Надежда», выход книги на итальянском языке, публикация отдельным изданием проповедей и писем о. Анатолия. И вот теперь увидел свет внушительный том, в ткани повествования коего присутствуют многие недавно открытые документы.

Филолог Мариэтта Чудакова отметила серьёзную источниковедческую базу работы и значение книги для подрастающего поколения. По её мнению,

такие издания действуют отрезвляюще. И если бы люди их читали, то разговорам о мудрых вождях Ленине и Сталине был бы положен конец.

Поколение, предшествующее Жураковскому, его земляк Михаил Булгаков назвал «беспечальным». Но взлёт надежд оборвала мировая война и обвал, вызванный большевистским переворотом. Чудакова отметила, что Ленин семнадцать лет прожил на Западе и прекрасно знал, что глобальная революция невозможна. И, тем не менее, всячески разжигал революционный пожар, унёсший миллионы жизней. В этой связи Чудакова ещё раз поставила вопрос о необходимости декоммунизации российской географии, о переименовании городов, сёл, улиц, названных в честь коммунистических убийц.

В заключение вечера Павел Проценко ответил на многочисленные вопросы благодарной аудитории. В частности, на вопрос о возможности канонизации о. Анатолия, не принявшего декларацию митрополита Сергия (Страгородского), он ответил, что это дело общего разума. По словам автора книги, Жураковский – плоть от плоти Серебряного века, развивавший и внедрявший его идеалы и в личной жизни, и в церковно-общественной борьбе 1920-х годов. Картина жизненного пути и дела пастыря должна быть воспринята полнотой соборного сознания Церкви, которой и суждено вынести здесь последние оценки.

Борис Колымагин